

Л. А. ДМИТРИЕВ

Вновь найденное сочинение об Иване Грозном

Во время археографической работы в рукописном отделе Саратовского государственного университета,¹ в собрании П. М. Мальцева, мною была обнаружена рукопись начала XIX в. под таким заглавием: «Краткое сказание о богомерзком житии государя царя и великого князя Ивана Васильевича. Сочинена Григорием Котошихиным».

Рукопись представляет собой небольшую книгу, объемом в 46 листов, полулиствого размера. Переплет из толстого твердого картона, оклеенного бумагой зеленоватого оттенка, корешок и уголки переплета из коричневой кожи. В верхней части корешка сохранились остатки наклейки из тоненькой полоски красной кожи со следами тиснения: «Опис. царя Ивана Вас.». На нижней части корешка поздняя бумажная наклейка с обозначением шифра собрания: «Р. 859. Мальцев». Переплет рукописи относится к самому началу XIX в., о чем свидетельствует и материал, из которого он сделан, и его оформление.²

Форзац книги из толстой синей бумаги, с отчетливо выраженными вержеками и понтюзо, без водяных знаков. Корешковый сгиб форзаца шит в первую тетрадь книги — он выступает в виде небольшого фальчика между первой и второй тетрадями. На форзаце черными чернилами (возможно тушью) сделана надпись: «Краткое / Сказание / о богомерзком житии / Гдря Цря и Великого князя / Ивана Васильевича / Сочинена Григорием Котошихиным / Книга редка пожалована. / Писал с подлинного свитка / 1703 г. июня 16 дня». Эта запись сделана значительно позже времени самой рукописи: об этом свидетельствуют и ее почерк, и орфография (на концах слов после согласных «ъ» не проставлен, «і» не употребляется), и, наконец, то, что надпись эта сделана поверх желтого большого пятна, имеющегося на этом листе и двух следующих листах. Вероятно, эта надпись была сделана в XX в. либо владельцем рукописи, либо в библиотеке.

Следующий за форзацем лист — первый лист первой тетради рукописи. Верхняя часть этого листа оборвана во всю его ширину, так что видно первое слово заглавия, написанного на следующем листе. Вероятно, ранее на оборванной части первого листа, в верхнем правом углу, была проставлена его пагинация «1», так как следующий за этим лист пропагинирован как лист 2. В рукописи пропагинированы все листы, судя по почерку, в то время, когда она писалась. На этом (первом) листе рукописи

¹ См.: Л. А. Дмитриев. Собрание рукописей научной библиотеки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. — ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 554—560.

² Книговед Ф. Г. Шилов датирует переплет концом XVIII—самым началом XIX в. Пользуюсь случаем, чтобы выразить ему свою благодарность за консультацию.

читается такое заглавие: «Сказание / о / бгомержскомъ житіи / Гдѣря цря и великаго князя / Ивана Васильевича / Сочинена Григореемъ Котошихинымъ / Книга редка пожалована. / Писаль с подлинного свитка / 1703 года, июня 16-го дня». Позже — что видно по цвету чернил (более темные) — и иным почерком над цифрой 1703 надписано ее буквенное обозначение «ѧѣу», а под текстом заглавия приписана фраза «Копія съ копіи генваря 4 1800 года». В самом низу этого листа было что-то написано, но затем тщательно выскоблено. Пятно на этом листе появилось уже после того как была сделана запись на нем: отдельные буквы из-за этого совершенно выцвели. Оба почерка, которыми сделаны надписи на этом листе, отличаются от остальных почерков рукописи.

На следующем, третьем, листе, имеющем пагинацию как лист 2, читается третий заголовок: «Краткое / описание / мучительскаго владѣнія Ивана Васильевича, / царя и великаго князя / Московскаго». В нижней части этого листа наклеена белая полоска бумаги, на которой почерком, похожим на почерки XVII в., написано: «Копія со старинного свитка». Это либо вырезка из рукописи XVII в., либо — что вероятнее — подделка под почерк XVII в. Почерк заглавия на этом листе схож с одним из почерков, которыми написана вся рукопись в целом.

Вся рукопись состоит из 10 тетрадей (7-я и 10-я тетради из 6 листов, остальные тетради из 4 листов). Бумага первых девяти тетрадей синего оттенка, толстая, с отчетливо выраженными вержеками и понтозо, водяной знак — обозначение года 1800, под которым проставлены буквы «АС». Бумага 10-й, последней тетради, по фактуре не отличающаяся от бумаги первых девяти тетрадей, имеет другой водяной знак: герб города Ярославля, буквы «ЯМВСЯ» и обозначение года 1801.

В 10-й тетради исписаны три первых листа, три последних листа остались чистыми.

Рукопись писана писарским почерком конца XVIII—самого начала XIX в., двумя разными писцами: 1-я и 5-я главы (лл. 3—3 об. и 7—7 об.) писаны одним почерком, небрежным, крупным, с наклоном вправо; весь остальной текст — другим, более мелким, аккуратным, округлым, прямым. Заглавие, читающееся на третьем листе («Краткое описание...»), написано таким же почерком, как почерк 1-й и 5-й глав.

В тексте рукописи довольно часто встречаются поправки в написании отдельных слов либо по подскобленному, либо поверх ранее написанных букв. Эти поправки, сделанные, как можно судить по почерку, не писцом, а иной рукой, а также то, что в ряде случаев одно и то же слово встречается в разных написаниях («Зверборн» и «Одерборн», «Горзей» и «Гроздей», «аудиенция» и «удиенция и т. д.) свидетельствуют о недостаточной грамотности писца этого списка. Об этом же говорят и многочисленные ошибки и опiski в тексте. Возможно, разумеется, что часть таких написаний возникла не по вине писца данного списка, а является отражением написаний того списка, к которому восходит наша рукопись. В нескольких случаях явно поздним почерком, карандашом сделаны записи в тексте комментаторского характера. Перечислим их:

Л. 3 об.: над словами «князя ростовскаго» надписано «Симеона?»; над словами «воеводою Ивану Петровичу» сначала было надписано «Яковлев», затем зачеркнуто и написано «Федоров».

Л. 4 об.: над именем «Афонасей Ловерской» надписано «Вяземский»; над словами «некоторым людям» надписано «(новгородским)».

Л. 6.: над словом «оратор» надписано «канцлер».

Л. 7 об.: над словами «добрались и да казначея государственнаго» надписано «Никита Фуников-Корцов».

Л. 12 об.: подчеркнуты карандашом слова «сообщил нам Алеар» и сверху поставлен знак вопроса.

Л. 18 об.: в окончании фразы «У татар в полону содержался и единственно хлебом да водою ево питали» сделана пометка ссылки. Внизу страницы под этой пометкой написано «боярин Афанасий Нагой».

Л. 19 об.: над именем «Шелау» («и прогнал Шелау») надписано «Шигалея».

Л. 31 об.: подчеркнуто слово «Эбарахого» и над словом сделана какая-то неразборчивая надпись.

Переплет, бумага рукописи и ее почерки — все свидетельствует о том, что перед нами рукопись, написанная в самом начале XIX в., по всей видимости не позднее 1801 г.

Григорий Карпович Котошихин, авторству которого приписывается найденная рукопись, известен нам как автор сочинения «О России в царствование Алексея Михайловича». Это сочинение Григорий Котошихин, подьячий Посольского приказа, написал в Швеции, куда он бежал в 1664 г. из России. Сочинение Котошихина оставалось долгое время неизвестным на Руси, как, впрочем, и само имя Котошихина, окончившего свои дни в Швеции через три года после своего прибытия туда (в 1667 г. за убийство своего квартирохозяина Котошихин был казнен). Лишь в 1837 г. профессор Гельсингфорского Александровского университета С. В. Соловьев, занимаясь в шведских архивах, обнаружил в переводе на шведский язык это интереснейшее сочинение о России XVII в. С. В. Соловьев собирался перевести найденное им произведение с шведского языка на русский. Когда он уже приступил к этой работе в 1838 г., в библиотеке Упсальского университета им был обнаружен русский текст этого же сочинения в списке XVII в. После того как были найдены документы, писанные рукой самого Котошихина, было установлено, что русский текст сочинения Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» — это автограф.

С. В. Соловьев снял для Археографической комиссии копию с найденного им текста, и в 1840 г. сочинение Котошихина было издано. Это было первое знакомство русских читателей как с сочинением Котошихина, так и вообще с его именем. Правда, в 1840 г. имя это было прочитано неправильно — Кошихин. Лишь в 1842 г., когда Археографической комиссией был получен шведский перевод сочинения Котошихина, стало известно точное имя автора. Во втором издании сочинения Котошихина, вышедшем в 1859 г., имя автора было уже обозначено верно. В 1884 г. вышло третье, а в 1906 г. — четвертое издание этой книги.

Обнаруженная рукопись по своим палеографическим признакам датируется, как мы уже видели, началом XIX в., т. е. временем, когда имя Котошихина еще не было известно. Казалось бы, это говорит о том, что перед нами второе, доселе неизвестное сочинение Григория Котошихина. Отдельные стилистические, композиционные и языковые особенности найденного текста в сопоставлении их с данными биографии Котошихина, его подлинным сочинением и его челобитными дают некоторое основание для такого предположения.³ Однако те же данные, и главным образом осо-

³ Первоначально исследование найденного текста делалось мной именно как сочинения Котошихина. В результате обсуждения проделанной работы на Секторе древнерусской литературы (30 XII 1959) вопрос этот пришлось пересмотреть заново. Пользуясь случаем, чтобы выразить благодарность всем товарищам, принявшим участие в обсуждении моей работы на этом заседании и давшим мне ряд ценных советов и указаний. Приношу также глубокую благодарность В. П. Адриановой-Перетц, М. П. Алексееву, С. Н. Валку, А. Л. Гольдбергу, И. Э. Серману, Д. С. Лихачеву, Я. С. Лурье

бенности языка, в еще большей степени противоречат этому. Но как же в таком случае объяснить появление имени Котошихина на рукописи начала XIX в., когда ни его имя, ни его сочинение никому не были известны? Единственное объяснение такого противоречия можно видеть в том, что текст заглавия, в котором назван Котошихин, приписан позже, когда это имя стало известно.⁴ Имя Котошихина упоминается в рукописи дважды в первом и втором заголовках. Первое заглавие, написанное на форзаце, как уже отмечалось выше, приписано значительно позже времени самой рукописи — оно, по существу, в точности повторяет заглавие, читающееся на следующем листе, с прибавлением впереди слова «Краткое» и с опущением приписки «Копия съ копій генваря 4 1800 года». Заглавие на втором листе (если считать форзац первым листом рукописи), судя по всему, также вписано в рукопись позже времени написания самой рукописи. Основанием для такого предположения прежде всего служит то, что заглавие написано иным почерком, чем вся рукопись, при этом почерком, по своему характеру более архаичным, чем почерк рукописи: бросается в глаза стремление придать надписи вид большей древности, чем она имеет в действительности. Не может не вызвать подозрения и то обстоятельство, что содержание заглавия направлено в основном на то, чтобы подчеркнуть редкость и подлинность рукописи. «Книга редка пожалована. Писал с подлинного свитка».

Историю появления в рукописи этого заголовка можно представить себе в следующих чертах. Кто-то, желая подороже продать рукопись неизвестного сочинения в списке начала XIX в., считая эту рукопись по характеру ее почерка рукописью XVIII в., приписал ее авторству Котошихина и проставил дату самого начала XVIII в.: «Писал с подлинного свитка 1703 года июня 16-го дня». Это могло быть сделано вскоре после выхода в свет второго издания сочинения Котошихина (1859 г.), так как это имя могло уже в это время заинтересовать любителей книжной старины. Позже, когда уже было написано это заглавие, либо автор этого заголовка, либо кто-то другой обратил внимание на то, что водяной знак бумаги обозначает год 1800 (водяной знак последней тетради рукописи с обозначением 1801 г. разрезан пополам и разные половинки даты «18» и «01» просматриваются на разных листах). Чтобы исправить это расхождение между датой бумаги и датой, проставленной в заглавии, была добавлена еще одна запись: «Копия с копии генваря 4 1800 года».

Таким образом, приходится признать, что изначально в рассматриваемой рукописи был только один заголовок: «Краткое описание мучительскаго владения Ивана Васильевича, царя и великаго князя Московскаго». Об этом, между прочим, свидетельствует и то, что на корешке переплета было вытеснено именно это заглавие, а не первое: «Опис. царя Ивана Вас.».

Итак, из палеографического анализа рукописи мы должны сделать заключение, что это список самого начала XIX в. (вероятнее всего, 1801 г.) неизвестного сочинения неизвестного автора об Иване Грозном. Что же представляет собой это сочинение?

«Краткое описание мучительскаго владения Ивана Васильевича, царя и великаго князя Московскаго» делится на 27 небольших глав, обозначенных в тексте порядковыми номерами. 1-я глава является введением ко всему сочинению. Автор в этом введении говорит о том, что очень многие писали о злодеяниях Ивана Грозного, а более всех «Павел Зверборн».

и В. И. Малышеву, сделавшим целый ряд замечаний еще до обсуждения работы на Секторе.

⁴ Первым на возможность более позднего написания заглавия, чем всей рукописи в целом, указал С. Н. Азбелев.

Бесчеловечных деяний Ивана Васильевича так много, что все они «про странности ради» автором перечислены в его сочинении быть не могут, и поэтому он расскажет «только об одних знатнейших по государству особах, которые наказании и мучительства от него (Ивана Васильевича, — Л. Д.) претерпели».

1-я глава «Краткого описания» почти дословно повторяет 1-ю главу рассказа об Иване Грозном («Тирания Ивана Васильевича, великого князя Московского») из книги голландского писателя XVII в. Ламберта Боса (Lambertus van den Bos) о великих людях: *Het vorstelick treur-toonneel, of Op-en Onder-gang der Grooten. Begrijpende ontrent hondert jaren, van 1500 tot 1600 toe. Uyt verscheyde Schrybers en Talen versamelt, Door L. v. Bos. Geceiert met kunstige Afbeeldingen der voornaemste Persoonen, seer Konstigh nae't leven in koper gesneden t'Amsterdam, Voor Abraham Wolfgang, Boekverkooper, op de hoek van de Beurs, onder de Toorn, 1659, 840 стр. (стр. 730—744: Tyranny van Iohannes Bazilides, Grootvorst van Moskovien)*. Никаких подробных сведений о Босе, кроме очень краткой статьи в голландской энциклопедии, сообщающей в нескольких строках самые общие сведения об этом лице, мы не имеем. Как говорит сам Бос, источником для его рассказа об Иване Грозном послужило сочинение Одерборна: «Каким чудовищем рода человеческого был Иоанн Васильевич, великий князь Московский, свидетельствуют все писатели, и среди других наиболее достоверно Павел Одерборн в своих трех книгах, которые он написал о жизни этого ужасного тирана» (стр. 730). Сравнение всего рассказа о Грозном в сочинении Боса с соответствующими местами Одерборна⁵ показывает, что голландский автор почти буквально повторил некоторые эпизоды из книги Одерборна, в отдельных случаях сокращая рассказ своего источника или дополняя его мелкими, незначительными деталями.

Во 2-й главе рассказывается о злодеях, учиненных Иваном Грозным на Дмитрием Оболенским-Овчининим, ростовским князем (имя не названо), конюшим Иваном Петровичем Федоровым, думным дьяком Казариным-Дубровским и оружничим Афанасием Вяземским. Все эти рассказы имеются в сочинении Боса, все они у него идут в такой же последовательности, как и в «Кратком описании».

3-я глава «Краткого описания» посвящена рассказу о казнях Ивана Грозного в Москве. Рассказ этот в точности повторяет соответствующую главу Боса. В 4—9-й главах рассказывается о судьбе Ивана Михайловича Висковатого, Никиты Фуникова, князя Владимира Андреевича и его жены. Во всех этих рассказах автор «Краткого описания» в точности следует 4—8-й главам рассказа Боса. Как и Бос, текст которого в свою очередь восходит к Одерборну, автор «Краткого описания», рассказывая о Владимире Андреевиче, называет его Георгием. Весь рассказ о Георгии весьма близок к Босу, но есть и некоторые отличия. Так, в «Кратком описании», говоря о том, что у Георгия «все те качества находились, которые великих государей прославляют», автор прибавляет: «Но в действую производить (все эти качества, — Л. Д.) ему было невозможно, потому что не имел самодержавной власти. А тираны и одно сие за великую вину и преступление ставят, когда усмотрят, что некоторому из свойственников их достоинство к государствованию приписывается».

Закончив рассказ о судьбе Владимира Андреевича-Георгия по Босу, автор «Краткого описания» замечает, что по другому источнику — по дан-

⁵ *Johannis Basilidis Magni Moschoviae Ducis vita, tribus libris conscripta. Authore Paolo Oderbornio. Witerbergae, 1585.* Приношу искреннюю благодарность А. Н. Егунову и Р. Ю. Данилевскому, помогавшим мне в работе над латинским и голландским текстами указанных сочинений.

ным «некоторого дацкого дворянина Якобуса Ульфелда» Георгий был не родной, а двоюродный брат и что он был не зарублен палачами, а отравлен ядом, подсыпанным в поднесенное ему Иваном Грозным питье. После такого сопоставления двух разных источников, что, как мы увидим в дальнейшем, характерно для всего текста «Краткого описания», автор рассказывает, в точности следуя Ульфельду, о разорениях, произведенных опричниками «от Москвы до Пскова», и о походе Ивана IV на Новгород.

Яков Ульфельд, участник датского посольства в Москву в 1575 г., описал это посольство на латинском языке. Рукопись его сочинения затерялась, но потом была найдена и в 1601 г. издана; однако полное имя автора издателю было неизвестно, и поэтому в издании было сказано только, что это сочинение датского дворянина Якова. Позже было установлено полное имя автора, и в 1627 г. книга вышла под таким заглавием: *Nobilissimi et Strenuissimi Equitis Dani, Jacobi Ulfeldii, Domini in Ulfeldtzholm et Selsovia etc. Regii Danorum Consiliarii, Legatio Moscovitica, sive Hodoeporicon Ruthenicum, in quo de Russorum, Moschorum et Tatarorum Regionibus, Moribus, Religione, Gubernatione et Aula imperatoria, quo potuit compendio et eleganter exsequitur. Accesserunt Claudii Christophori Lyschandri, Praepositi Herfogensis Epistolae de auctore hujus opusculi, nec non figurae variae in aes incisae a Joh. Theodoro de Bry. Omnia simul edita ex bibliotheca et studio Viri Nobiliss et Clariss. Melchioris Goldasti Heiminsfeldii etc. Francofurti a. M., 1627.*⁶

О новгородских событиях у Ульфельда рассказано очень кратко, только о том, что новгородцев и жителей окрестных мест, собранных на городской мост, утопили в Волхове. Этому автору «Краткого описания» было мало, и он дополнил Ульфельда рассказами о новгородском архиепископе и богате новгородце Федоре Сыркове (автор «Краткого описания» называет его Федором Сирконовым), заимствованными им из сочинения Адама Олеария.

Первое издание Олеария вышло на немецком языке в Шлезвиге в 1646 г.: *Adam Olearii ausführliche Beschreibung der Kundbaren Reyss nach Muscow und Persien, so durch Gelegenheit einer Holsteinischen Gesandtschaft von Gottorp auss an Michael Fedorowitz den Grossen Zaar in Muscow und Schach Sofi König in Persien geschehen. Mit Kupfern, Plänen und Ansichten von Städten und Gegenden, in den Jahren 1633—1639. Schleswig, 1646.* Затем это издание повторялось в 1647, 1656 и 1663 гг.⁷

В обоих рассказах автор «Краткого описания» в точности следует Олеарию, отмечая, что сам «Алеар» «оное известие» «выписал из сочинений Гванита». Источником замечаний автора «Краткого описания» послужили слова самого Олеария, который пишет в 11-й главе II книги, перед рассказами о новгородском архиепископе и Федоре Сыркове: «Так как я уже упомянул о жестокой тирании, выказанной Иваном Васильевичем по отношению к Великому Новгороду, то я думаю, ради интереса читателей, привести, по Гваньини, еще два ужасных примера тогдашних событий».⁸ Начиная рассказ о новгородском архиепископе, автор «Краткого описания», оправдывая действия архиепископа, приводит пословицу, которой нет у Олеария: «Архиепископ того города, увидев такое ужасное тиран-

⁶ Фридрих Аделунг. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений, чч. I, II. М., 1864 (далее: Аделунг, I, II), ч. I, стр. 176—182; В. Кордт. Чужоземні подорожні по східній Європі до 1700 р. У Києві, 1926 (далее: Кордт), стр. 46—47.

⁷ Аделунг, II, стр. 180—185; Кордт, стр. 104—105.

⁸ Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Изд. А. С. Суворина, СПб., 1906 (далее: Олеарий), стр. 127.

ство, вознамерился ко избежанию оного подражать древней пословице: „Кто блис ада живет, должен с дьяволом в крайней дружбе быть“. И для того от страха на себя лицемерие принял и оного тирана в гости к себе позвал». (У Олеария гораздо короче: «После того как тиран, великий князь, совершил вышеуказанное бесчеловечное избиение, архиепископ, правивший в городе, попросил его к себе, чтобы — вероятно, из страха — приветствовать его»⁹).

Окончив рассказ о новгородском архиепископе, автор «Краткого описания» замечает: «О архиепископе ж агличанин Горзей притчину воспоследовавшего с ним безчестия весьма иначе описывает, как то ниже сего, в 19-м пункте, изображено». Это первое упоминание Горсея, на которого затем автор будет ссылаться несколько раз.

Сочинение о Московии англичанина Джерома Горсея, находившегося в России довольно длительное время (с некоторым перерывом с 1573 по 1591 г.), впервые было издано в 1589 г. в составе книги Гаклюйта: Richard Hakluyt. The principal navigations, voyages, trafiques, and discoveries of the english nation. . . , printed to London, anno 1589. Затем несколько раз издавалось в составе книги Пёрчеза: Pilgrimage or relations of the world and the religions observed in all ages and places, discovered from the creation into his present containing a theological and geographical history of Asia, Africa, America etc. By Samuel Purchas. London, 1613 (переиздание в 1614 и 1626 гг.). И отдельно в 1626 г.: Treatise of Russia and the Northern regions, by Jer. Horsey. London, 1626.¹⁰ В 1629 г. сочинение Горсея было издано в переводе на немецкий язык: Beschreibung des Grossfürstenthumbs Moscau und Reussen etlicher Geschichten, so in denen Landen sich begeben. Beschreibung der Reiss, so von Herrn Joachimo Horseys, einem engl. Capitän in das Grossfürstenthumb Moscau und Reussen verrichtet worden. Этот перевод был напечатан как приложение к изданию: Extract der Orientalischen Indien, d. i. ausführliche hist. u. geogr. Beschreibung aller Schiffahrten und Reisen, welche . . . in Königreiche Inseln u. Provinzen der Orientalischen Indien vorgenommen wurden. Frankfurt a. M., 1629, стр. 153—168.¹¹

В 9-й и 10-й главах «Краткого описания» рассказывается о Петре Семеновиче Оболенском-Серебряном, Петре Быкове и Телятьеве. Обе эти главы соответствуют 9-й и 10-й главам Боса. В конце 10-й главы автор «Краткого описания» называет имя Боса: «Сие описание, — пишет он, — выбрал я из сочинений нидерландца Л. Ф. Боса, каторой оное, упователно, из книг вышеупомянутого Одерборна выписал». Как видим, называя имя «нидерландца», автор «Краткого описания» в точности повторяет имя Боса с титульного листа его книги — «L. V. Bos».

Окончив рассказ по Босу, автор «Краткого описания» пересказывает целый ряд сведений, почерпнутых им из сочинения Горсея.

11-я глава — рассказ по Горсею о походе Ивана IV на Псков и о юродивом «Микуле Святе», который предотвратил разорение Пскова, пригрозив Ивану Васильевичу небесной карой. 12-я — о женитьбе Ивана Васильевича на дочери «знатнейшего полковотца» Наталии (у Горсея эта Наталья называется дочерью Федора Булгакова, «главного воеводы»). 13-я глава — пересказ Горсея описания похода на Москову крымского хана Девлет-Гирея. В рассказе об этом эпизоде, в том варианте своего сочинения, который издавался в XVII в., Горсей, сообщая, что в московском пожаре погибло несколько тысяч москвичей, на поле против этого места делает запись:

⁹ Там же.

¹⁰ Аделунг, I, стр. 222—223.

¹¹ Кордт, стр. 43.

«Флетчер пишет — 800 000 челове». ¹² Автор «Краткого описания» с некоторой ошибкой вносит эту глоссу в самый текст: «... причем и несколько тысяч (иные писатели 80 000 душ считают) людей в сем случае отчасти ат огня, отчасти ш чрез неприятельские руки жизни лишились». 14-я глава посвящена рассказу о посольстве к Ивану Грозному от Девлет-Гирея. Заканчивая рассказ о татарском посольстве к Ивану Грозному, автор «Краткого описания» говорит: «Но да продолжения описания сего агличанина Горсея, должен я наперед упомянуть, что сие опустошение города Москвы не во время безчеловечного владения Ивана Васильевича происходило, как то, упователно по не довольной знаемости, оной англичкой автор мнит, но оное было при жизни отца ево». И после этого замечания приводится почти дословный перевод 6-й главы IV книги сочинения Адама Олеария «О граде Казани и о том, как Казань подпала под власть московитов». Перед переложением Олеария автор «Краткого описания» дает историографическую справку об источнике своего рассказа: «Продолжение сей войны аписывает Адам Алеар в четвертом томе персицкаго путешествия из посевианскаго сочинения, а особливо из лифлянскаго летописца весьма справедливея, следующими словами». Сведения эти автором «Краткого описания» взяты из текста самого Олеария. Олеарий в этой главе упоминает имя Поссевина: «Это случилось 9-го июля 1552 г. по Р. Х., по словам Поссевина — в 1553 г.», а на поле против окончания этого рассказа делает пометку: «Liefvländische Chronick, р. 55». ¹³

В данном случае, обвиняя в «не довольной знаемости» Горсея, автор «Краткого описания» сам допустил грубейшую ошибку. Трудно решить, почему автор «Краткого описания» не знал о приходе под Москву Девлет-Гирея и спутал это событие 1571 г. с походом на Москву в 1521 г. крымского хана Мухаммед-Гирея. По всей видимости, сам автор «Краткого описания» не знал ничего об этих походах из русских источников, а пользовался лишь кругом тех иностранных писателей, по которым построил свое «Краткое описание». Из источников он больше всего доверял, по-видимому, Олеарию, у которого о походе татар на Москву при Иване Грозном ничего не сообщалось, но зато имелся подробный рассказ о покорении Иваном IV Казани якобы в отмщение за татарский поход на Москву при его отце. Видимо, исходя именно из этих данных Олеария, автор «Краткого описания» и посчитал, что горсевский рассказ имеет в виду тот поход татар на Москву, который имел место не при Иване Грозном, а при его отце Василии Ивановиче. О совершенной неосведомленности автора «Краткого описания» в фактах действительной истории, о которых он пишет, следуя Олеарию, свидетельствуют упоминаемые им имена исторических лиц: он полностью доверяет Олеарию, переиначивая, к тому же, терминологию Олеария на свой лад. Шиг-Алея он называет Шеале, Менгли-Гирея (Олеарий ошибочно Мухаммед-Гирея называет именем его предшественника Менгли-Гирея) он называет Мендлигером, Саип-Гирея — Сапегой, Ивана Хабару (рязанского воеводу), у Олеария названного Иваном Коваром, величает Иваном Каварским.

Окончив рассказ, заимствованный из Олеария, автор «Краткого описания» продолжает свое повествование по Горсею. Конец 14-й главы посвящен рассказу об укреплении Москвы и о приглашении Иваном Грозным в Московию мастеровых людей. Это перечисление почти дословно повто-

¹² В том варианте сочинения Горсея о России, который впервые был издан в 1856 г. Гаклюйтовским обществом и с которого сделан русский перевод Н. А. Белозерской (Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея Изд. А. С. Суворина, СПб., 1909, 159 стр.), этой записки нет.

¹³ Олеарий, стр. 373.

ряет соответствующее место Горсея. В 15-й главе повествуется о поставлении на великокняжеский стол Симеона Бикбулатовича (1575—1576 гг.). У Горсея Симеон назван по имени и сказано, что он был сыном казанского царя. В «Кратком описании» Симеон по имени не называется и говорится, что Иван IV поручил свое правительство сыну. Автор «Краткого описания» отмечает, что об этом событии он нашел известие только у одного Горсея: «О которой эдаче и обратном принятии правительства единственно известие нашел у Горсея, а протчия авторы ничего о том не упоминают».

Четыре следующие главы (16—19-я) построены на сочинении Горсея. Рассказываемые в них эпизоды даны в такой же последовательности, как и у Горсея. Автор «Краткого описания» в точности следует рассказу источника, значительно его сокращая. В 16-й главе повествуется о злодеяниях, учиненных Иваном IV над Федором Куракиным, Иваном Хигликовским и Борисом Куракиным. Имена эти, как и слова в рассказе о гибели москвичей во время татарского нашествия («инные писатели 80 000 душ считают»), лишний раз свидетельствуют о том, что заимствования из Горсея в «Кратком описании» восходят к тому варианту сочинения англичанина, который был издан в конце XVI—начале XVII в. В тексте Бондовского издания 1856 г. вместо Ивана Хигликовского назван Иван Обросимов, в изданиях XVII в. — Иван Хигликовский (Chiglicoue). Третье имя у Горсея — «Борис Телюпа». В «Кратком описании» он назван почему-то Борисом Куракиным. 17-я глава посвящена рассказу о сватовстве Ивана Васильевича к английской королеве Елизавете. В 18-й говорится о секуляризации Иваном IV монастырских денег и владений и о травле медведями монахов. В 19-й главе кратко сообщается о судьбе Бомелия, обвиненного в тайных сношениях с новгородским архиепископом. Заканчивает 19-ю главу автор «Краткого описания» такими словами: «Сим кончим мы описание Горзеево и продолжим повесть нидерландскаго автора Фон Дер Боса». Вся 20-я глава, посвященная рассказу об убийстве Иваном Грозным своего сына, за исключением самого конца, восходит к сочинению Боса. Говоря о том, что желание некоторых жителей «противу неприятелей в поле служить» под руководством сына Ивана Грозного вышло в последнем подозрение, автор «Краткого описания» в скобках замечает: «ибо тираны всегда подозрением и изумлением, страхом и боязнию мучатца». Этих слов в сочинении «нидерландскаго автора Фон Дер Боса» нет.

Окончив рассказ о сыноубийстве Ивана IV по Босу, автор «Краткого описания» передает рассказ об этом же событии Горсея. По мнению автора «Краткого описания», в данном случае рассказ Горсея не соответствует действительности, так как большинство писателей «единогласно пишут, что отец сына своего окованною тростью в голову ударил».

Следующая, 21-я, глава посвящена рассказу о сватовстве Ивана IV к англичанке Мери Гастингс. Источником ее является сочинение Горсея.

В 22-й главе рассказывается о смерти Ивана Грозного. В начале этой главы автор замечает, что о смерти Ивана IV «разные повести имеютца». Он приводит рассказы трех авторов — Боса, Олеария и Горсея. Окончив эти рассказы, автор «Краткого описания» дает оценку своим источникам и старается объяснить, почему могли существовать различные сведения о кончине Ивана Васильевича. В заключении главы он предается размышлениям о том, как ужасна была смерть русского царя.

Следующие главы (с 23-й по 26-ю) представляют собой общую характеристику и оценку различных сторон жизни и деятельности Ивана IV.

В 23-й главе автор «Краткого описания» рассказывает о хороших ка-

чествах, присущих Ивану Грозному, «кои не токмо похвалению, но и некоторым образом последованию достойны». Прежде всего он говорит о военных успехах Ивана IV. Напоминая здесь снова рассказ Горсея о нашествии крымских татар на Москву и опять отмечая, что это сообщение неверно, автор «Краткого описания» вместе с тем сам снова впадает в грубую ошибку, считая рассказ Иовия Новокомского о военных успехах Василия Ивановича рассказом о военных успехах Ивана Васильевича.

Сведения эти он черпает из сочинения Павла Иовия Новокомского: *Pauli Jovii de legatione Basilii Magni Principis Moscoviae liber, in quo Moscovitarum religio, mores etc. describuntur. Basileae, 1537*. Последующие издания этой книги выходили там же в 1545 и 1551 гг. Кроме того, сочинение Иовия было напечатано в виде приложения к книге Герберштейна «*Regum Moscoviticarum Commentarii*» в 1551, 1557 и 1571 гг.¹⁴

Далее автор говорит, со ссылкой на Горсея, что Иван IV издал различные уложения. Ссылаясь на Иовия, он отмечает, что Иван IV не только не хотел покориться папе римскому, но не считал его даже главой церкви, несмотря на посулы папы присвоить Ивану Васильевичу «чин королевский». «А правда ли, что Иван Васильевич оной чин иметь желал, аставляю читателю на разсуждение. Я с моей стороны оному не верю», — прибавляет автор от себя, закончив пересказ из Иовия.

Очень краткая 24-я глава сообщает об огромном богатстве Ивана IV. Следующую, 25-ю, главу автор посвящает описанию наружности Ивана IV. Здесь он пользуется сведениями, сообщаемыми Иовием и Горсеем. Приписав характеристику, которую Иовий дает Василию Ивановичу, Ивану Васильевичу, автор «Краткого описания» возражает против слов Иовия о том, что царь любил и почитал своих свойственников.

Ошибочное соотнесение характеристики Василия Ивановича с именем Ивана Грозного, по всей видимости, объясняется, как и первая отмеченная выше ошибка автора «Краткого описания», особым пиететом его к сочинению Олеария. Возможно, что и из-за Олеария автор «Краткого описания» посчитал сочинение Иовия посвященным Ивану Грозному. Дело в том, что Олеарий в своем сочинении называет Иовия как автора, писавшего об Иване Грозном. В 11-й главе («О московских великих князьях») III книги своего сочинения, говоря об Иване Грозном («Тиран Иван Васильевич вступил на престол в 1540 г. по Р. Х.»), он пишет: «Некоторые тому примеры (жестокостей Ивана, — Л. Д.) приведены уже выше ... и, действительно, весьма ясно доказано, как несправедливо прославляет его Иовий в начале первой книги своих историй, говоря будто он был „*Christianae religionis cultor sane egregius*“, т. е. „государь очень заботившийся о христианской религии“».¹⁵

Предпоследняя, 26-я, глава вся состоит из отдельных кратких выписок из Ульфельда и посвящена описанию великолепия великокняжеских одеяний и посольских приемов Ивана Васильевича.

Последняя, 27-я, глава рассказывает о погребении Ивана IV и передает легенду о надгробном камне Ивана Васильевича. Источник автором здесь не указан. Вероятнее всего это был Олеарий.¹⁶

Какие же можно сделать выводы из сопоставления «Краткого описания» с теми источниками, по которым построено все это сочинение?

Прежде всего мы должны отметить, что автор «Краткого описания» очень точно передает содержание тех сочинений, которые послужили материалом для его собственного произведения. По существу, он пересказыв-

¹⁴ Аделунг, I, стр. 123—124.

¹⁵ Олеарий, стр. 231.

¹⁶ См. там же, стр. 26.

вает тексты своих источников, в большинстве своем пересказ этот дословно повторяет источники. Единственное существенное отличие «Краткого описания» от текстов тех оригиналов, которыми пользовался автор, заключается в том, что он иногда сокращает текст своих источников, выбрасывая ряд деталей и подробностей, иногда целые эпизоды. Оригинальными в «Кратком описании» являются историографические справки об использованных сочинениях, морализирующие замечания автора по поводу того или иного эпизода, рассуждения о большей достоверности одного источника по сравнению с другим.

Автор «Краткого описания» в каждом отдельном случае добросовестно сообщает, откуда заимствовано им то или иное описание; если из текста или названия использованного произведения можно почерпнуть какие-то сведения о его авторе, то автор «Краткого описания» сообщает это, если же в переводимом им тексте указаны какие-то более ранние источники, то он отмечает и это. К использованным текстам автор «Краткого описания» подходил как к документам, вызывавшим у него сомнения лишь в тех случаях, когда между ними имелись какие-то противоречия. Противоречия эти он пытался разрешить, исходя только из данных тех источников, которыми он пользовался, работая над «Кратким описанием». Сам он никаких событий из времени Ивана Грозного не знал, источниками для него служили исключительно иностранные писатели. Это говорит о том, что «Краткое описание» писалось не на Руси человеком, плохо знавшим русскую историю.

Итак, совершенно бесспорно, что «Краткое описание» представляет собой компиляцию, составленную исключительно из сочинений иностранцев о России времени Ивана Грозного. Если бы такая компиляция составлялась русским автором, то в ней не могло бы не отразиться отношение русского человека к сообщаемым им рассказам иностранцев, не могли бы не отразиться какие-то сведения из русских источников. В одном из авторских отступлений явно обнаруживается, что автор этот не русский. Приводя различные рассказы о смерти Ивана Васильевича, автор «Краткого описания» говорит: «Буде сие известие агличаненина справедливо, как то и упователно, ибо он в тот же день ва двореце был, то без сумнения привидении несправедливыя и только па злобе на покойнаго тирана росъ сия нами в склеветаны».

Рассматривая содержание «Краткого описания», мы приводили данные об изданиях тех сочинений, которыми пользовался автор «Краткого описания». Сочинение Боса известно нам только в одном издании на голландском языке, вышедшем в 1659 г. По всей видимости, именно только этим изданием и мог пользоваться неизвестный нам составитель «Краткого описания».

Сочинение Ульфельда автор «Краткого описания» читал в издании 1627 г. Именно в этом издании впервые имя Ульфельда было обозначено полностью. Автор «Краткого описания» так говорит об Ульфельде: «некоторой дацкой дворянин Якобус Улефелд» (в первом издании 1601 г. было сказано только, что это сочинение «датского дворянина Якова»).¹⁷

Сочинение Олеария, вышедшее впервые в 1646 г. на немецком языке, переиздавалось в 1647, 1656 и 1663 гг. Автор «Краткого описания» мог воспользоваться одним из этих изданий.

¹⁷ На русский язык сочинение Ульфелда было переведено уже в XVIII в. Перевод этот был в 1883 г. издан Е. В. Барсовым: ЧОИДР. М., 1883, кн. 1—4, «Материалы иностранные». Необходимо заметить, что в русском переводе, как и в издании 1601 г., имя автора названо не полностью: «Одного знатного дворянина дацкого Якова, посланника Фридерика Второго короля описание путешествия в Россию».

Сочинение Горсея на английском языке в XVII в. издавалось несколько раз. Однако у нас есть все основания считать, что автор «Краткого описания» пользовался сочинением Горсея в переводе на немецкий язык, изданном в 1629 г.¹⁸ Дело в том, что в немецком переводе Горсей назван «капитаном»: «Joachimo Horseys, einem engl. Capitän», — чего нет в английских изданиях, так как Горсей никогда капитаном не был. В «Кратком описании» про Горсея сказано: «Аглинской капитан Горзей, каторой от королевы Елизаветы. . .».

Наконец, ошибочно упоминаемый автором «Краткого описания» Павел Иовий Новокомский неоднократно издавался по-латыни в XVI в. как самостоятельно, так и в приложении к книге Герберштейна.

Если мы обратим внимание на время издания тех источников, к которым обращался автор «Краткого описания», то увидим, что все они (кроме сочинения Новокомского) датируются первой половиной—серединой XVII в. Верхней гранью является издание сочинения Боса, вышедшее в 1659 г., так как все остальные источники относятся к более раннему периоду. Разумеется, дата издания книги Боса может бесспорно свидетельствовать только о том, что «Краткое описание» написано после 1659 г., но невольная обращающая на себя внимание близость по времени издания всех использованных книг (Ульфельд — 1627 г., Горсей — 1629 г., Олеарий — 1646, 1656 гг., Бос — 1659 г.) дает основание полагать, что «Краткое описание» вероятнее всего возникло вскоре после 1659 г. — во второй половине—конце XVII в.

Найденный текст, таким образом, представляет собой русский перевод неизвестного нам компилятивного сочинения об Иване IV. Когда же мог быть сделан этот перевод и какой интерес могло представлять это переводное сочинение для русского читателя своего времени?

В лексике «Краткого описания», изобилующей варваризмами, может быть отмечен целый ряд слов, зафиксированных в русском языке, по данным картотеки древнерусского словаря и словаря Н. А. Смирнова,¹⁹ не ранее XVIII столетия. Перечислим эти слова «Краткого описания», отмечая время их проникновения в русский язык: аптекарь (самое начало XVIII в. — «Лексикон вокабулам новым», рукопись БАН начала XVIII в.; в дальнейшем: Лексикон), артиллерия (в «Воинском уставе» Вейде 1698 г., Лексикон); артиллерист (XVIII в.), архитектор (в бумагах Петра I под 1699 г.), аудиенция (Лексикон), гарнизон (Лексикон), гвардия, гвардейцы («О торжественном въезде Петра в Москву по завоеванию Азова» 1696 г., Лексикон), кавалер (Лексикон), командир (Лексикон), командовать и команда (не ранее первого десятилетия XVIII в.), кондиции (Лексикон), математик (XVIII в.), обои (не ранее первого десятилетия XVIII в.), оратор (Лексикон), офицер (в «Актах исторических» под 1696 г., Лексикон), ошельмовать (начало XVIII в.), политика (начало XVIII в.), портрет (начало XVIII в.), принцесса (начало XVIII в.), придворные (не ранее первого десятилетия XVIII в.), провинции (Лексикон), пропорция (начало XVIII в.), пункты (начало XVIII в.), рavelин (Лексикон), россияне (не ранее первого десятилетия XVIII в.), фаворит (начало XVIII в.), фортификация (Лексикон). Помимо варваризмов, ставших неотъемлемой частью общерусской лексики или характерных только для XVIII столетия, в «Кратком описании» встречаются варваризмы, не зафиксированные ни у Смирнова, ни в картотеке древнерус-

¹⁸ Сведения об этом переводе взяты мною у В. Кордта. Само издание перевода из-за отсутствия его в наших библиотеках просмотрено не было.

¹⁹ Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910.

ского словаря; по-видимому, это индивидуальные особенности языка переводчика «Краткого описания»: конфермованы (польск. Konfirmować — «утверждать»), маетность (польск. majątność — «имение», «имущество», «состояние»), талар (немецк. talar — «мантия»), штатгалтер (немецк. Statthalter).

Лексические данные «Краткого описания» свидетельствуют о том, что перевод этого произведения на русский язык не мог быть сделан ранее второго десятилетия XVIII в. Вместе с тем эти же данные говорят о том, что едва ли «Краткое описание» могло быть переведено позже середины — второй половины этого столетия. В 3-й главе мы читаем такую фразу: «По учинении сего приказал он для всего народа изготовить великой абеда на оной площади. Для правительствующих асоб в приказах или в канцеляриях...». Сказать так автор перевода мог скорее всего именно в первой половине — середине XVIII столетия, когда приказная система была преобразована и термин «приказ» стал заменяться термином «канцелярия». В этой же главе, обращаясь к жителям Москвы, Иван IV называет их мещанами: «... поехал он сам верхом по всем улицам и увещевал мещан... Нынешней день для вас, любезные мещане, весьма щастливый». В обоих случаях, в соответствующих местах текста, употребляется слово «горожане». В русском языке до XVIII в. это слово употреблялось в значении «житель места, города».²⁰ В 4-й и 5-й главах, в рассказе о казни «российского оратора Ивана Михайлова, сына Висковацкого», последнему вменяется в вину то, что он «отважился турецкому султану каянов предать». У Боса, к которому восходит этот эпизод, «каянам» «Краткого описания» соответствует слово «Casanensegen» (у Одерборна «Casanenses»), т. е. «казанцы» — жители Казани. Русский переводчик не понял значения этого слова оригинала и переименовал его на «каянов». В русских летописях «каянской землей» и «каянскими немцами» назывались земли и народ северной части Финляндии и Норвегии. К сожалению, у нас нет точных сведений о границах употребления этого слова в русском языке, но в летописных текстах наиболее позднее его упоминание относится к началу XVII в. — оно фигурирует в 33-й главе Нового летописца. Поэтому употребление такого слова в тексте XVIII в. позволяет относить этот текст к первой половине столетия.

Синтаксические данные «Краткого описания» также говорят в пользу первой половины — середины XVIII в. Синтаксис этого произведения довольно сложен, отличается обилием придаточных предложений; наряду с этим он очень громоздок и недостаточно строго выдержан.

Таким образом, языковые данные «Краткого описания» дают основания предполагать, что это сочинение было переведено на русский язык в первой половине XVIII в.

Как уже отмечалось выше, помимо пересказа-перевода различных сочинений об Иване Грозном в «Кратком описании» имеются и авторские отступления. Это либо историографические справки об использованных сочинениях, либо рассуждения автора о большей достоверности одного источника по сравнению с другим, либо, наконец, морализирующие рассуждения автора о тирании. Совершенно бесспорно, что высказывания об источниках принадлежат автору «Краткого описания». Размышления о тирании, об ужасной кончине тирана, умершего без покаяния во время игры в «таблеи», также, по всей видимости, принадлежат автору рассматриваемого сочинения. Однако не исключена возможность того, что эти отступления были включены в текст переводчиком. Вопрос этот с достаточной убед-

²⁰ Срезневский, Материалы, т. II, слоб. 253.

тельностью может быть разрешен только тогда, когда будет обнаружен оригинал «Краткого описания». Тем не менее, несмотря на положительное или отрицательное решение этого вопроса, «Краткое описание» представляет для нас интерес, как явление русской общественной мысли: обращение к тому или иному иноязычному сочинению диктуется не случайной прихотью переводчика, а общественными интересами данного времени к тем вопросам и проблемам, которые затрагиваются в переводимом тексте.

Языковые данные свидетельствуют о том, что «Краткое описание» не могло быть переведено на русский язык в Петровскую эпоху, но вместе с тем они дают все основания считать, что перевод был сделан скорее всего в первой половине XVIII столетия. Вопрос о тирании, мучительствах, пытках и казнях массового характера по отношению к самым различным слоям населения, и в частности по отношению к дворянству, приобрел злободневность в период царствования Анны Ивановны (1730—1740 гг.). Именно в эти годы в определенных кругах русского общества мог возникнуть интерес к примерам тирании из прошлого русской истории, и в частности к тирании Ивана Грозного, как аналогии современным жестокостям бироновщины.

Наиболее ярким выражением оппозиции русского дворянского общества бироновщине явилось дело Артемия Петровича Волинского и его «конфидентов». Оценивая современные события, кружок Волинского обращался к аналогиям из прошлого. В частности, именно в это время в кругу «конфидентов» Волинского под видом древнерусского памятника был создан памфлет на современные события — так называемая «Полотская летопись». Источниками для этого памфлета послужили данные, почерпнутые из польских историков и западных летописцев.²¹ Как известно, наиболее близкие к А. П. Волинскому «конфиденты» П. М. Еропкин и А. Ф. Хрущов долгое время жили за границей (П. М. Еропкин в Италии, А. Ф. Хрущов с 1712 по 1720 г. находился в Голландии, в Амстердаме). И тот, и другой интересовались русской историей, имели большие библиотеки, которые они начали собирать еще за границей. Наименее известным и редким источником «Краткого описания» является книга Боса, изданная в Амстердаме на голладском языке. Обращение автора «Краткого описания» к малоизвестному сочинению Боса как к основному источнику, по-видимому, объясняется тем, что «Краткое описание» было тоже написано в Голландии. А. Ф. Хрущов в числе книг, привезенных им в Россию из Голландии, вполне мог привезти либо рукопись, либо печатное издание неизвестного нам сочинения об Иване Грозном, переведенного затем на русский язык под названием «Краткое описание мучительского владения Ивана Васильевича, царя и великаго князя Московскаго».

Во время следствия по делу А. П. Волинского П. М. Еропкин на допросе показал, что Волинский в своем «Проекте о поправлении государственных дел» называл Ивана Грозного «тираном».²² Сначала А. П. Волинский отрицался в этом,²³ но затем признался, что «действительно наименовал царя Иоанна Васильевича тираном, но не от себя, а со слов некоторых иноземных писателей (разрядка моя, — Л. Д.)».²⁴ Из имеющихся источников известно, что сам А. П. Волинский иностранных языков не знал и «иноземных писателей» мог читать лишь в переводе. Не являлось ли «Краткое описание» как раз тем источником, из которого

²¹ См.: Н. П. Лыжин. Два памфлета времен Анны Иоанновны. — Известия Академии наук по русскому языку и словесности. СПб., 1858, т. VII, вып. 1, стлб. 49—64.

²² Записка об Артемии Волинском. — ЦОИДР. М., 1858, кн. 2, «Смесь», стр. 151.

²³ Там же, стр. 152.

²⁴ Там же, стр. 156.

А. П. Вольнский почерпнул «слова некоторых иноземных писателей» о тираннии Грозного?

«Краткое описание» — сочинение компилятивное, составленное из хорошо известных в науке источников (кроме Боса, повторяющего, по существу, Одерборна), поэтому никаких новых известий и фактов оно не сообщает. Но на протяжении всего текста произведения мы видим авторскую оценку сообщаемых им фактов, источниковедческие наблюдения компилятора, поэтому «Краткое описание» должно оцениваться и как самостоятельное цельное сочинение. Ценность этого сочинения тем более значительна, что иностранный его оригинал не известен и русский перевод, таким образом, оказывается единственным свидетельством труда этого историка-публициста XVII в. Он заинтересовался личностью и деятельностью Ивана Грозного в то время, когда и в русской литературе продолжалась оценка его и как государственного деятеля, и как талантливого писателя, когда рассказы об отдельных проявлениях жестокого нрава «грозного» царя, сложившиеся еще при его жизни, не только читались, но и обрабатывались, включались в неофициальные «летописцы». В собственных рассуждениях неизвестного западноевропейского публициста видно то же, что и у русских писателей XVII в., — стремление не оправдать, но объяснить жестокость Ивана IV не только его «природным нравом», но и противоречивостью его психологии, теми ее чертами, какие сложились под влиянием «тиранства», т. е. самодержавной неограниченной власти (ср., например: «ибо тираны всегда подозрением и изумлением, страхом и боязнию мучатца»). Эта сторона компилятивного «Краткого описания» определяет значение его для исследователей литературной деятельности Ивана Грозного и тех его литературных портретов, какие создавались в историко-публицистических повестях XVII в.

ТЕКСТ

Краткое сказание о богомерзком житии государя царя и великого князя Ивана Васильевича. Сочинена Григорием Котошихиным. Книга редка пожалована. Писал с подлинного свитка 1703 г. июня 16 дня.

л. 1 об. Сказание о богомерзком житии государя царя и великого князя Ивана Васильевича. Сочинена Григорием Котошихиным.

Книга редка пожалована. Писал с подлинного свитка 1703 года, июня 16-го дня. Копия с копии генваря 4 1800 года.

л. 2 Краткое описание мучительского владения Ивана Васильевича, царя и великого князя Московского.

Копия со старинного свитка.

л. 3

1-е

Многие писатели засвидетельствование подают, а болше всех Павел Зверборн (в трех своих книгах), в которых он житие сего преужастнаго тирана описал и давольно доказал, какие он над верными своими подданными безчеловечия предприял разными мучении, казньми, насилством жен и девиц, и всякими нелепостями. В рассуждении чего можно по справедливости ему приписать титул главнаго и первоначалнаго тиранна. Но^а понеже все его безчеловечные дела, пространности ради, внесены сюда быть не могут, того ради упомянем толко об одних знатнейших || по государству особах, котороря наказании и мучительства от него претерпели, и по окончании мучительной своей жизни в числе несчастливых людей почтены быть заслуживают.

^а В ркл. Но по.

2

Один из знатнейших ево бояр именем Дмитрий Овцын сидя с ним за столом, не мог выпить однем разом поднесенной ему болшей стакан вина и за то по приказанию сего тирана тем же часом удавлен.

Князя ростовскаго, которой, в церкви будучи, прилежно молился, приказал он отътуда вытащить и без всякой притчины отърубить голову и в Волгу бросить.

В то ж время велел он определенному над всею Россиею воеводою Ивану Петровичю (на котораго жесвидетели измену всклеветали) к себе в Москву быть, и как скоро он туда прибыл, на него царскую порфиру надеть, скипетр вручить, корону наложить, в котором убранстве он и на престол взойти принужден был. || Потом подошел он к нему и презрительным образом ему сказал: «Здравствуй непобедимой царь россиской! ^{л. 4} 6 Смотри, я сам тебя возвысил на высочайшую сию степень величества, которую достигнуть ты давно уже желал. Только не долго тебе царствовать!». Сказав сие, прострелил он сам острою стрелою сего седаго старика. По чему все его воинские служители бросились и предъприяли всякия ругательства над умершим телом, которое они в мелкие части изрубили. Тож воспоследовало и над всеми его домашними служителями и над скотом. При том же не пощадили и оставшею после его беременною жену и дочь (которая еще девица была) — караулными салдатами насилствована и потом в мелкие части изрублена.

Равное нещастие воспоследовало и з Дубровским, хронителем печати государственной, на котораго донесли, что он са артилерию, в Лифляндию отправленную, очень тихо шел. За что он и к смерти осужден и обще з два сына в ужаснейшим образом жизни лишен, ис коих старшей сын чрез четыре колеса на четыре части разорван, || что сему тирану смотреть весма забавно и приятно было, и почти ни на малое время от смеху удержатся не мог, в чем и лстивыя ево придворныя служители ему подражали. ^{л. 4 об}

Афонасей Ловерской был при нем тайным секретарем, котораго он так сильно любил, что единственно из его только рук лекарствы и сему подобныя напитки принимал. Однако, и оной, в такой доверенности у великаго князя бывшей человек, жизнь свою окончатъ не мог. Донесли на него, что он некоторым людям прежде времени ^в о предстоящем им нещастии сказал. И за то ево наперед батогами нещадно били, потом руки и ноги переломали, а наконец при всем народе горло перерезали и тело ево на кол посадили, а дабы весь род ево искоренить, то и сыновья и все ево свойственники казнены.

3-е

л. 5

Одним днем приказал он в Москве поставить восмнатцать виселиц и около их всякия принадлежащая к безчеловечному мучению орудия, чем бы бедных людей мучить, а потом повесить, приведя сие в действо, а утесненных подданных в великой страх. Пришел он с кровожадными своими придворными служителями туда, и вкруг всей площади караулы разставил, дабы тем лутче безчеловечные свои предприятия подкрепить и намерение в действо произвести. По учинении сего приказал он для всего народа изготовить великой абад на оной площади, для правительствующих асоб в приказах, или в канцеляриях, для того чтоб поднеся сим асо-

⁶ В ркл. россиской. ^в В ркл. времений.

бам некоторой яд и их чрез то жизни лишить. И так город,² заступников уже неимущему, аграбить.⁴ Но понеже никто к сему абеду ахоты не имел, то поехал он сам верхом по всем улицам и увещевал мещан, чтоб ани никакова апасения не имели. || Токмо и оное было без успеху, ибо агорчение л. 5 об. в народе было весма велико, а обнадеживании ево показались им невероятными. Аднако, наконец, отправили ани к нему некоторых из реченных правительствующих особ и городских начальников, дабы а точном ево намерении дастоверное известие получит, коих он принял весма милостиво и их уверил, что сей абед единственно для таво зделан, дабы чрез оной все прежде учиненные народу оскорблении в забвение привести. Как скоро народ сие услышал, то всяк к нему на площадь вышел. И как собрались, то говорил он им следующие слова: «Нынешней день для вас, любезные мещане, весма щастливый, ибо я смертною казнь, х которой вы осуждены были, сим уничтожаю и только над некоторою частию из бунтовщиков оное в действо произведу». Сие сказал он толко для того, чтоб народ не роптал, л. 6 мня, что лутче когда оному намерение свое откроет. || Сказав сие, приказал он из тюрьмы двести человек выпустить и, все вины им отпущая, велел домой иттить. Но по учинении сего свое тиранство в действо производить начал. И не токмо советников, но и брата своего роднаго и всех ближних свойственников казнил, дабы никто из тех не остался, которые бы хотя малейшее право имели о наследии российского престола помышлять, а он бы впред по собственным своим прихотям мучительство и тиранство спокойно продолжать мог.

4

Из тех первой, к смерти осужденной, был россиской е оратор Иван Михайлов сын Вицковацкой. К нему подошел главной полачь и говорил именем великаго князя следующие слова: «Висковацкой! Ты должен умереть. Дважды помышлял ты домогаться престола, дважды пригласить татар в Москву, дважды отважился ты турецкому султану Каянов предать, л. 6 об. толко * измена твоя была || без успеху». Сказав сие, абратився он к стоящим подле его и закричал: «Таварищи, вздерните ево на виселицу, дабы то место, каторое великолепное его житие засвидетельствовало, равномерно и безчестную ево смерть народу представляло!». Осужденной претерпел все лютости сего несноснаго тирана спакойным духом. И как ево по леснице на виселицу вели, то он без всякой робости плутовства сего варвара, главнаго палача, народу открыл и ему в глаза сказал, что он по ненависти и злости государя своего изменить и погубить старайтца, и что его злодейския представления причиною, что толикое множество невинной человеческой крови пролито, и ближайших своих сродников из числа сих безчастных людей не выключил. Каторыми славами он главнава палача в такое агорчение привел, что оной приказал его в мелкие по саставам части изрубить.

л. 7

5

Один из секретарей осужденнаго уповал великому князю особливую услугу показагь, подбежав и отрезав у сего беднаго господина детородной уд, отчево он тем же часом и умер. Иван Васильевич тем весма недоволен был, ибо он уповал кровожадные и безчеловечные свои глаза зрением произвадимаго над умершим мучительства еще долее забавлять.

² В ркп. сначала было написано город, но потом переправлено на городу
 л В ркп. аграбил. * В ркп. россиской. * В ркп. толкоа.

Сказал секретарю: «Конечно, и тебе измена господина твоего известна была, и по той причине ты теперь, в предосторожность свою, ево так скоро жизни лишил. И для того повелеваю тебе съестъ то, что ты у него отрезал, или, в противном случае, наказание такое ж и над тобою произведу». Секретарь увидел, что худо сделал и какому себя за измену свою подверг наказанию, от страха, избегая смерти, к такому противному кушанью ахоту получил, и, без всякова стыда и сомнения, скушал помянутой || уд господина своего, чем он и действительно от смерти избавился. л. 7 об. Жену убиеннаго (все имение ограбя) в тюрьму посадил, сына ево из государства выгнал, а дочерей насилствовали.

6

Добрались и да казначея государственнаго, котораго то холодною, то горячею водою толь долго и часто обливали, пока он от того умер. Сему следовал главной кухмистр, котораго по саставам на мелкие части разарвали. Патом до двух сот дварян из тюрьмы после вывели. Оные хотя и старались всякие аправдании о невинности сваей предъявить, токмо оное им не помогло, но по данному знаку бросились к ним са всех старон салдаты и всех наижалостнейшим образом убили. Сто пядьдесят человек из^а знатнейших дворян, видев такое преужасное тиранство, в такую робость пришли, что вознамерелись отечество свое оставить, в Польшу убежать. Некоторые из них оное донесли, || почему их всех на реку вывели и утопили, равномерно и детей их, не выключая и^б тех, кои еще во чреве матернем находились, без всякаго милосердия убили. л. 8

7

Как скоро Иван Васильевич таким образом над подданными желание свое исполнил, то он напоследок тиранство и над собственным своим домом распространил, не жжалась и над свойственниками своими. Во первых убил своево раднова брата Георгия.^к Всклеветал на нево лжесвидетельство измену, ибо он иным образом его имение, каторое давно уже желал иметь, и получать никак не мог. Георгию то не безъизвѣстно было, почему он из дому своего никуда не выезжал, уповая со временем гнев брата своего от себя отвратить. Реченной князь Георгий был всякими многими добродетелями и хорошими качествами одарен || и все мерские и безчеловечные поступки брата своего крайне ненавидел и от них удалялся. При том же как наружной вид, так и поступки ево изъявляли, что в нем все те качества находились, которыя великих государей прославляют. Но в действо производить ему было невозможно, потому что не имел самодержавной власти. А тираны и одно сие за великую вину и преступление ставят, когда усмотрят, что некоторому из свойственников их достоинство к государствованию приписывается. Уединенное житие сему князю жизнь продлить не в состоянии было. Иванн Васильевич послал к нему несколько воинов и велел стать на суд. Как скоро сие ему сказали, то пошел он к супруге своей, которая, увидев мужа своего в таком смущении, а следующих за ним в великом сердце, крайне старалась ево защищать и охотно за нево умереть хотела. Токмо все напрасно, ибо у ней невиннаго ея супруга силою из рук вырвали и к брату ево повели. Сколь скоро || толко сей варвар и безчеловечной тиран ево увидел, то приказал живодерам своим всякими ужасными пытками мучить. Однако на все чинимые вопросы ни единаго л. 9

^а В ркп. и.^б В зкп. из^к В ркп. Георгия.

ответа не получил. Напоследок просил он, чтоб дозволено было, стоящим вокруг ево, ему нечто сказать. Оное ему дозволили, чтоб со вниманием предъставление ево выслушать. То протянул он руки свои, которые все изранены и в крови были, и съказал: «Смотрите вы, воины, смотрите на украшение генерала своего, которое ему не от победившаго его неприятеля (оное бы честно было), но родным ево братом и вами наложено. Вы из князя своего зделали пленника, а из государя неволника, надо мною вы так надругались, не вспомня прежнему мою милость и благодеяние, которое я вам всегда оказывал. Но я обо всем более упомянуть не хочу в разсуждении, что гнев и порицание утесненным помощи не подает, и толко

л. 9 об. прошу, || когда уже брат мой меня действително к смерти осудил и, зря на проливаемою мою кровь, веселится желает, чтоб вы меня не долго мучили, ибо, упователно, ему все равно какую я смертью умру. Естли же вы, кто довольо смелости имеет, то подайте мне нож и дозволте мне то, к чему вы сему тирану присягою обязались, самому в действо произвести!».

Как он сие сказал и усмотрел, что все ево слова напрасно говорены, то говорил он и обратил свое прошение в гнев следующим образом: «Слушайте! Всевышний бог, которой чинимые всякие неправосудии, несправедливости и насильствы отмщдает, и вас плутов накажет и такую ж вам кончину воздаст, какую вы над многими бедными людьми производили. Ибо пролитая вами в великом множестве невинная княжая и протчих людей кровь и так уже у бога отмщения просит. А я, как последняя ваша

л. 10 жертва, сие с клятвою вам предвозвещаю, что вы в бедном || и жалостном состоянии жизнь свою во изъгонении окончите и чрез собственные свои оружи, которыми вы более друзей, как неприятелей и злодеев жизни лишили, друг друга сами убьете!».

Сие говорил он в великом возражении и велел полагам поспешать, почему нескольким из них приказали за него приняться, который его без всякого прекословия, супротивления и прошения, яко храброго мужа, каторой более для собственной своей славы, нежели за преступление, канчины ажидал, с нещетными ранами умертвили.

8

Коль скоро его супруга а точной смерти мужа своего известие получила, то она в самые потаенные норы спряталась, дабы, по крайней мере, изо всех его свойственников хоть адин человек астался, каторой бы со временем над сим безчувствительным тираном отмщение произвести или свидетелем оного быть мог. Но и ее наконец нашли, и принудили стать на

л. 10 об. суд, || абецая ей при том, что жизни лишена не будет. Точию, при всем том, сей тиран уже апределил и ее убить. И как скоро посланные от сего варвара к ней в пакой вашли, то она легко панять магла по поступкам намерение их, и затем в самом багатом убранстве к ним вышла^а навстречу, каторые ее взяв, по всем улицам волочили, а напоследок удушили и^н в реку^н бросили.

При сем должен я упомянуть, что некоторой дацкой дворянин, Якобус Улефелд, по прошествии асми лет после сего братаубивства от карала дацкаго в Маскву послом отправлен был, уведомляет, что убиенной был не родной, но двоюродной брат великому князю, каторой на него подазрение имел, будто бы он противу ево бунтовать вознамерился. И для того его к себе призвав в поднесенном ему питье яд положил, от котораго он

^а В ркп. слово вышла надписано над строкой со знаком вноски в строку
^н В ркп. веревку.

тем же часом и умер. И что он после смерти его выбрал триста человек, или лутче сказать тиранов, и их уполномочил по собственному желанию с подданными убиенного || брата поступать: смертию казнить, маетности и дома их разарять и протчее. По каторой данной им власти они от Масквы да Пскова все уезды асмастривали, многие места да падошвы изькоренили, людей мужескаго и женскаго полу, от стариков и младенцов, по прихотям своим удавили, купцов везде аграбили, из прудов воду спустили, а находившуюся в прудах рыбу сожгли и поля ужасным образом опустошили.

В скором после того времени, как реченной дворянин упоминаит, призвал он в Новьгород изо всех акружных мест людей под видом будьто бы с ними а важных делах посоветовать. Как они к нему туда прибыли, то велел он им всем собратца на длинной близ города чрез реку мост, с катораго ани в тае реку брошены и утоплены, в ложном мнении будьто бы ани с реченным ево двоюродным братом в согласии находились. Тех, кои в реке не потонули, велел убить. Число утопших толь велико было, что река из берегов выступила и многия луга и пашни патопила.

Архиепископ того города, увидев такое ужасное тиранство, вознамерился ко избеганию оного подражать древней пасловице: «Кто блис ада живет, должен с дьяволом в крайней дружбе быть». И для того от страху на себя лицемерие принял и оного тирана в гости к себе позвал, каторой и не отрекся, но с вооруженными своими воинами и стрелцами к нему приехал. Между абедем послал он несколько людей к славной и весма богатой Сафийской церкви, в каторой всех знатнейших гаспод драгоценнейшие вещи и багатство (яко в безопасном от всех нападений месте) для сохранения поставлены были. И велел двери церковные отбить, и все багатство аттуда выбрать. А после обеда ограбил он и архиепископа, не оставя ему ни платья, ниже архиепископской одежды. Потом сказал ему: «Не пристойно тебе более архиепископом быть, в *скоморохи*^о ты очень способен, и когда, при том, еще медведя плесать обучиш, то много денег получиш. При том же надобно тебе женится на той невесте, каторую я для тебя уже и выбрал». Протчим же игумнам и наместникам, приехавшим в город || по призыву к сему обеду, сказал он: «Вы все к архиепископу на свадьбу приезжайте, х каторой я вас таперь зову, и привезите хорошие подарки с собою». Причем он каждому и сумму по препорции доходов их назначил, каторая и собрана по отдаче денег, кои они тем охотнее привезли (уповая, что оныя вручатся ограбленному архиепископу). Но, однако, ни единой копейки^н из тех не получил. Велел он ерхиепископу подвесь серую жеребую кобылу, на каторую перстом указывая, сказал: «Смотри, вот жена твоя, садись на нее и поезжай в Москву, там велю я тебя в скоморошски цех принять и записать, чтоб ты плясущему медведю песни наигрывал». Сей бедняк принужден был в сером суконном кафтане на кобылу сесть, потом ему ноги под ея брюхо, а на шею рыле, балалайку и дудку привязали. В каковом убранстве он по Нову городу ездя, хотя в дутку играть и не учился, однако играл, но каким голосом, всякому легко разсудить можно. || С таким стыдом сей тиран архиепископа от себя отпустил, а реченных игумнов и монахов разными и ужасными смертьми казнил. Большая часть из них топорами в мелкие части изрублены и рогадинами заколаны, а протчие в реке потоплены.

Оное известие сообщил нам Алеар, каторое он выписал из сочинений Гванита. О архиепископе ж агличанин Горзей притчину воспоследовавшего

^о В ркп. скороходы.   ^н В ркп. копейки.

с ним безчестия весьма иначе описывает, как то ниже сего в 19-м^р пункте изображено.

После сего^с дошла вчеред до знатного и весьма богатого человека Федора Сирконова, которого он приказал в свой близ Нова города поставленной лагерь призвать и, поперег веревкою обвязав, в Волхв бросить и чрез всю ту реку тащить. Но как сей тиран усмотрел, что оной тонуть начал, то велел ево вынуть и сам спросил, что он, будучи в воде, видел? На что ему он отвечал следующим образом: «Великий князь! Я видел, что
л. 13 все черти из Ладожскаго озера и вокруг оного лежащих вод || всех, собравшись в сей реке, ждут душу твою, чтоб оною, как скоро из тебя выдет, которую во ад стащить». Тиран ему на то в ответ сказал: «Ты видел самое дело, я тебе о привидении твоём истолкование з благодарностию моею сообщу». Потом велел он его нагами по колени в котел, кипящую водою наполненной и на огне стоящей, поставить и до той поры варить, пока он скажит, где денги ево закопаны, ибо он весьма богат был и двенадцать монастырей собственным своим иждивением построил. Как скоро по объявлении сего бедняка в одном месте тридцать тысяч рублей нашли и к великому князю принесли, то приказал он ево и брата ево Алексея в мелкие части изрубить.

9

Равномерно сей варвар тиранство оказал и над светлейшим князем Петром Серебрянским, которого он в мелкие части изрубить приказал, тако ж и над ковалером Петром Быковым, коему отрубя голову, оную
л. 13 об. к себе на стол подать велел || и, ощупывая ее своими руками, все кушанье кровью забрызгал.

Неисчетное множество и из протчих знатных господ таким же образом им казнены, коих он часто при играх и забавах жизни лишал. С князьями, баярами и советниками своими забавлялся он часто игрием в карты и шашки, токмо наподобие того, как кошки с мышами играют: ани хотя проигрывали или выигрывали, то всегда их жизнь в опасности находилась. Когда ани выигрывали, то ему мнимой стыд досаден был, буди же ани ему победу над собой давали, то называл он их лицемерами. Как бы ани с ним асторожно не подступали, буде не жизни своей, то, по крайней мере, носу, ушей или одного какого члена (каторой он им отрезывал) лишались. Сие за великую от него милость почитали, когда он кого из них (каторой для избежания гнева ево проигрывал) за глупость и несмысленность ево палкою наказывать приказывал. Естли же кто, апасаясь смертной казни, ||
л. 14 с ним играть не хател, то он, яко презырителя и пренебрегателя царскаго величества, жизни лишал.

10

Адин из первых ево советников, прозваньем Телатьев, послал в одно время абеда служителя своего к воротам великокняжескаго двора, дабы в царской службе все служители должность свою отправляли безленостно. Иван Васильевич, усмотря служителя сего, призвал ево к себе и спросил а притчине, для чего он у варот стаял. И как оной на то ответствовал, что ему от господина ево повелено, то великий князь тем же часом за советником послал, каторой в провожании людей своих к нему пришел весьма веселым лицом. Коль скоро ево Ивана Васильевич увидел, то весьма странное предъставление стоящим людям круг ево на словах учинил, принося жалобу, что милость и великодушие его неблагодарностию отмицантца,

^р В ркп. 29-м   ^с В ркп. вслед за этим словом выскоблена часть строки.

|| и что уже первые ево советники стараются ево жизни лишить. Все на то смолчали, а он, оборотясь к Телатьеву и к людям ево, сказал: «Ты помышлял меня умертвить и сим часом оное в действо произвести вознамерился и для тово сего малова к маим варотам подаслал, чтоб спасобнее к тому время сыскать, но всегдашнее покровительство всевышнего исполнить то воспрепятствовало, каторой сию измену вам всем и отмстит!». Телатьев хотел а том свое оправдание представить. Токмо оное от него не принято, но со всеми бывшими при нем служителями в тюрьму ево посадили, а патом повесели.

Сие описание выбрал я из сочинений нидерланца Л. Ф. Боса, каторой оное, упователно, из книг выше упомянутого Одерборна выписал. Затем еще некоторые тиранские ево поступки из другога автора сюда внесу.

11

л. 15

Аглинской капитан Горзей, каторой ат королевы Елисаветы к сему росискому Нерону в пасольстве отправлен был и при его дворе не малое время находился, пишет, что он по многим в Лифляндии производившимся кровопролитиям наконец вознамерился ехать в Псков и там равномерное тиранство произвести. Точию же оттуда к нему некоторой человек (коего не токмо в том городе, но и во всей окружности онога в великом почтении содержали) имянем Микула Свят, навстречу вышел, бранил и проклинал, имяновав ево тираном, разбойником и кровопиющим волком, и требовал, чтоб от города отступил, угрожая при том, если он или кто из людей его хотя самага последнего жителя того города оскорбит, то тем же часом громом убит будет, ибо де оной город святым ангелом в особливое покровительство препоручен. И для сего бы лутче не мешкав от той страны отдалился, пока еще || отмщение божие над ним не совершилось, и наказание, каторое он своими глазами видит (ибо в самое то время великая туча и туман был), чют его не захватило. Почему он с великим страхом и трепетом, прося того пророка, чтоб за него помалился, тем же часом аттуда отступил.

12

По многим произведенным лютостям и тиранствам, чрез что государство как голодом так и моровою язвою весма опустошено, полюбилась ему у знатнейшего ево полковотца дочь Наталья, с каторою он и действительно в брак вступил, но вскоре после того атца ее казнил, а жену свою в монастырь паслал.

13

Между тем, древней ево неприятель, татарской хан, собрав великое войско, вступил са оным в ево области. Иван Васильевич равномерно не малое число собственной конницы и пехоты || и староннего въспомогательства войска к нему навстречу послал. Токмо все было без успеху: некоторые масковские бояри потаенным образом реченному хану в той войне советовали, и для того он тем смеляя с своими ардами чрез Волгу перешел, видя, что царское войско, каторое, хотя выгоднейшие места и способы имело, ему никакого супротивления не чинит, ибо командиры не имели точного к тому повеления. И таким образом он путь свой прямо к столичному городу Маскве продолжал. Царь Иван Васильевич не хател дажидатца сего незваного гостя, отъехал з двумя своими сыновьями, лутчим сокровищем и гвардию свою, состоявшею из дву тысячь пехоты, в Свято-троицкой монастырь. Татарской хан, проведая, что царя в городе нет,

приказал в Вознесеньев день 1571-го года церковь с калокольнею Ивана Великава зажечь. В самое то время встал великой ветр, || каторой агонь так разпространил, что все церкви, палаты, знатнейшие домы и монастыри, також и многие другие строения в шесть часов згарели, причем и несколько тысяч (иные писатели 80 000 душ считают) людей в сем случае отчасти ат огня, отчасти ш чрез неприятельские руки жизни лишились, ибо рвы и речки мертвыми телами, золотом, серебром, залотыми щепочками и протчими сокровищами (кои, упователно, для сохранения туда вынесли) так наполнены были, что по них, как по мостам хадил и ни капли воды достать не магли. Тако ж и все улицы мертвыми телами наполнены были, что и пройти невозможно было.

Реченной монастырь, в катором царь находился, напоследок татарами равномерно ж окружен и зазжен, а выбежавшие оттуда для спасения жизни татарами в палон взяты. Царь еще заблаговременно способ нашел
 а. 17 на другую сторону реки || переехать и верст с педесят отътуда удалитца, где он военной совет имел и все те палки, каторые воевать не хатели, как изменников ошелмовав, распустил, а полководцов и начальников калесовал и казил и весь род изкоренил, вотчины ж и все имение их на себя аписал.

14

Между тем, неприятель к царю нескольких мурзов, или татарских князей, паслами атправил. Оные паслы, хотя имели хороших лошадей, но в продчем весма худо наряжены были, — все их украшение состояло в длинном таларе, или авчиной покрытой шубе, кушеки их из той же материи зделаны были, на каторых висели длинные сабли, болшие черные шапки, а в руках имели лук и стрелы. И для того царь масковской (каторой богатую адежду, а на голове трайную карону имел) их весма презрительно принел.
 а. 17 об. Но, не взирая на то, главной пасол, || катораго четыре капитана к царю привели, весма сурово и неучтиво говорил следующим образом: Что государь его император и самодержиц над всеми государствами, на каторые солнце лучи свои изьпущаит, его в сие пасольство изьбрал, чтоб спросить великаго князя росискаго, какова ему наказание ево гнева в огне, оружиях и голоде показалось? И что он для совершеннаго познания совести его, ему сей мечь послал, дабы он тем сам себя жизни лишил. Сказав сие, пасол, с великою скоростию от царя вышел. Иван Васильевич от тех пасольских дерзостных речей в такую робость пришил, что и духовника своего к себе призвав, с ним разсуждал о обстоятельстве. Между тем, палковник над гвардию требовал дозволения, чтоб татарину неучтивость ево равным же образом отмстить. Но царь приказал того посла только задержать, пока гнев ево уталитца.[†]
 а. 18 || А напоследок он его атправил обратно с сим ответом: Чтоб он своему неверному босурманскому государю донес, что он ни от его силы и власти, но от своего бога и господа Исуса Христа за свое прегрешение наказан, каторой дияволу допустил его таким образом мучить и изгонять. И хотя он сам теперь с одного места в другое убежать принужден, но, однако, з божию помощию в скором времени с ним, ханом, так управитца, что он принужден же будет росискому игу покоритца и ему, царю, дань платить. Татарской пасол на сие ответствовал, что он великому князю не обязан такую службу исправить, и что не желает своему великому государю, татарскому хану, такие суровые и неучтивые слова сказать. И для того Иван Васильевич одного из своих придворных служителей с сим посоль-

[†] В ркп. сначала было написано удалитца, а затем переправлено на уталитца.

ством к хану отправил, которой более семи лет || у татар в полону со- л. 18 об.
держался и единственно хлебом да водою ево питали.

Но да продолжения описания сего агличанина Горзея, должен я на-
перед упомянуть, что сие опустошение города Москвы не во время безче-
ловечного владения Ивана Васильевича происходило, как то, упователно
(по не доволной знаемости, оной англицкой автор мнит), но оное было при
жизни еще отца ево.

Продолжение сей войны аписывает Адам Алеар в четвертом томе пер-
сицкаго путешествия из посевиянскаго сочинения, а особливо из лиф-
лянскаго летописца, весма справедливяя, следующими словами. Одним вре-
менем великой князь Василий Ивановичь,^у тиранов отец, казанских татар
совсем победил и одново из них по своему соизволению над ними учинил
ханом, именем Шеале. Сей, хотя и был природою татарин, || точию более л. 19
аказывал верность и усердие великому князю масковскому нежели своему
роду. В протчем был он сабою весма непригожь, имел длинные отвеслова-
тые уши, великое смуглое лицо, толстое туловище, кароткие бедра и длин-
ные дурные ноги. Оному должны были казанские татары покарятца и ему
дань платить, что им весма досадно было. Ани атправили потаенным обра-
зом к крымским татарам посольство, представляя нещастие свое, что
состоят под владением великаго князя и под началом такого хана, каторой
более с уродом, нежели с человеком сходство имеет, и, при том, им ^ф и из-
меняит. И просили, понеже ани адной с ними веры (то есть махOMETан-
скаго закона), чтоб помогли им из сего тяжелаго ига выrvatца. Крымской
хан, именем Мейдлигер, на сие согласился и в скором времени собрал ве-
λικое войско, с каторым он к Казани подошел, оным городом || завладел л. 19 об.
и прогнал Шелау, каторой з женою и детми в Москву убежал, а на место
ево зделал он ханом над Казанскими татарами радного своего брата Са-
пегу. По сей адержанной победе приумножилась в татарах смелость, и
пошли к Москве с своим войском, к которому ис Крима еще несколько
тысячь прибыло. Грабили и опустошали все города и села, чрез кои они
шли. И хотя великой князь равномерно великое войско въскоре собрал и
оное татарам навстречю послал и с ними при Аке реке в сражение всту-
пить велел, но, однако, татара росикое войско победили, почему оное, и не
оглядываясь, в Москву возвратитца принуждено было, за каторым и та-
тара следом шли, городом завладели, а замок кремль асадили, каторой
замок великой князь оставя, в Новьгород отъехал. Росьсияне защищали
замок с великою храбростию и часто к неприятелю подарки высылали.
Неприятель, видя сильную их оборону, разсудил, что к здаче крепости не
скоро склонит. || Приняв подарки, согласился в договор с ними вступить л. 20
и принудил россиян, чтоб великой князь их за собственноручным своим
подписанием (с приложением государственной печати) абязался быть
в подданстве у хана татарскаго и ему ежегодно дань платить. А напро-
тиву того абязался хан от России отступить, всех пленных россиян (коих
число весма велико было) возвратить. К такому безъчестному договору
великой князь сначала склонятца не хотел, но, видя, что необходимость
тогдашняя оного воспотребовало, наконец согласился. Патом хан Менд-
лигер в знак, что он (яко царь уже масковской) велел потрет свой в городе
поставить, пред каторым бы великой князь (когда он крымским послам
ежегодную дань вручит) всегда б в землю поклонялся.* После сего Са-
пега в Казань поехал и там владел, а Мендлигеров старшей брат и вла-
детелной хан крымской || со всем своим войском к Резани пошел, асадил л. 20 об.

^у В ркп. Ивановичьвичь.   ^ф В ркп. их.   * В ркп. сначала было написано по-
клонился, а потом переправлено на поклонялся.

- тамошнею крепость и велел воеводе Ивану Каварскому сказать, что великой князь ныне ево подъяданной и для того требует, чтоб без всякаго прекословия ему крепость здана была. Воевода на то ответствовал, что ему сие весма дико быть кажетца и верить не может, чтоб оное самым делом так было, разве ему а том достоверенное засвидетельствование предъставлено будет, то немешкав мнение свое а том аткроет. Почему хан подлинное великокняжеское писменное обезательство с несколькими афицерами для доказательства в город послал. Воевода как оное письмо, так и пасланникав у себя аставил и взял намерение до последней капли крови оборону чинить. Он имел у себя искуснаго италианскаго артилериста, званием Яган Врдана,
- а. 21 с помощью которого он такую храбрую оборону учинил, || что от их стрел, ружья и пушек у неприятеля весма много убитаго и раненого народу было. Адно пушечное ядро так близко подле Мандлигера пролетело, что и кусок от ево кафтана оторвало. Сие татарина в такую робость привело, что он наконец единственно только великокняжеское собственноручное обязательство возвратно требовал. Но как ему и в том отъказали, то он, собрав свое войско, возвратился в дом свой. А воевода отправил к великому князю обезательство, о чем вся Москва обрадовалась. Патом и Мендлигеров патрет заброшен, разбит и нагами разтопан. Вскоре после того собрал великой князь 25 000 человек, велел хану казанскому войну объявить, а при том сказать, что он и брат ево воровски и как разбойники нечаянным образом в его государство вашли, а ныне он, яко государь и самодержец всероссиски, || как честной салдат противу ево о приближении своем и о войне наперед известие ему сообщил. Токмо татарской хан презрительным образом на то ответствовал. И для того великой князь в самой скорости со всем своим войском к сталичному городу Казани подвинулся. Росиское войско, хотя татарам и великой вред причинило, однако великой князь не мог сию крепость во свое владение получить, но без всякаго успеху принужден был отступить и противу татарскаго нападения в Нижнем Новгороде всегда великой гарнизон содержать. И так при жизни сего великаго князя более достопамятных предъприятиев никаких не было. После смерти Василья Ивановича вошел на росиской престол сын ево, тиран Иван Васильевичъ, каторой вознамерился сие росискому государству причиненное безчестие над татарами атъмстити, и для того с великим войском, в катором числе множество иностранных, а особливо немец-
- а. 22 ких салдат находилось, к Казани подошел. || С обеих сторон происходили сильные и частые сражения и великое кровопролитие. По прошествии асминеделнаго времени апасался великой князь, что кагда асаду еще более продолжат, то крымской хан к брату своему на помощь притъти может и затем он городу весма сносные к здаче кандидии предлагал. Но как оной город те кандидии презрительно принел, то он велел в самой скорости стену и валы подъякопать и взорвать, что татарам весма странно показалось и к их разорению великою помощью подавало, ибо как подъякоп щастливой успех возымел, то не токмо стены и валы чрез то възорвало, но и многих татар убило и не малою городу вред причинило. А между тем росиское войско в крепость вошло, невзирая на то, что и сами при том не малое число народу потеряли, потому что ани з двух старон крепости, куда все татара убежали и великую оборону чинили, приступать должествовали. || Но как наконец татара увидели, что они побеждены и все их начальники на месте убиты, то и ани более супротивлятца ахоты не имели и вышли из западных варот, пробились сквозь стоящее у тех варот росиское войско, и перешли чрез реку Казанку, патом в великом беспорядке разбежались. Оное происходило в 1552-м году июля 9-го дня. (Позевияв пишет в 1553-м году).
- а. 22 об.

После сего приказал великой князь крепость апать пачинить и толстою каменною стеною, воротами (равелинами) и толстым валом четырехугольным видом укрепить. Достальных татар прогнал, а город и крепость наполнил россиянами, коих иза всех мест туда на поселение призвал. Також и татарам дозволил он жить близ города (неболшим числом) и при сваем законе оставатца. И таким образом Иван Васильевич все Казанское государство росиской державе покорил. И после того, когда подгуляит, всегда а завладении Казанью и Астраханью песни певал. (По сих мест Алеар, а отсюда продолжение Горзей упоминаит).

Город Москва по приказанию великаго князя в пять лет крепкими ^{а. 23} стенами и разными страениями в прежнее состояние приведен. В которое время он с аглинским математиком Елисеем Бомелием в великой дружбе находился и все строении и фортификации по ево указанию строить и делать приказал. Також призвал он из Англии всяких художников, архитекторов, плотников, каменщиков, рещиков, золотых и серебряных дел мастеров, лекарей и аптекарей и построил в городе великолепной дворец, или казенныя палаты, для сохранения сокровища своего. Потом собрал почти изо всего государства купеческия товары и обменял на оныя от иностранных купцов и золотыя и серебряныя вещи з драгоценными каменьями, коими казенною свою полату наполнил. А купечеству почти ничево или весьма малое число за отобранные у них товары денег заплатил.

15

Равным же оброзом поступал он и с протчими городами и монасты- ^{а. 23 об.} рями, от коих он великую ^в сумму денег заимообразно брал. А вообще все государство несносными податми и поборами отягощал, чрез что подданные ево так возненавидели, что он принужден был правительство свое сыну поручить, дав ему и титул царской. Однако оное учинил он без ведома государственных членов и подъянных своих. И дал ему некоторыя провинции в собственное ево владение, а престол царской себе оставил, пред которым как царь новой, так другия сыновья, все бояре, духовныя чины, равномерно и иностранныя послы лицем на земле лежа, прошения ^г и предъставления ^д свои приносить должныствовали. Реченной ево ^е сочлен почитал все долги во время владения отца ево чиненные, також и все привилегии и преимущества городов || и монастырей недействительными и ^{а. 24} неделными, и все поместья и урочища подданных, в разсуждении, что оныя тем от него не конфермованы, на себя отписал. По какому ево тиранству как духовные чины, так и знатнейшия бояре стараго своего государя всенижайше просили, чтоб благоволил правительство по прежнему принять, и с неизреченым великолепием ево опять на царской престол возвели. О которой здаче и обратном принятии правительства единственно известие нашел у Горзея, а протчия авторы ничего о том не упоминают. Потому, что все прежния преимущества и правы городов, сел, монастырей, дворян и купечества вновь утвердил и ис тех доходов собрал он дочери брата своего (которого наперед казил) приданое, дабы с тем ее отдать в супружество голштинскому герцогу Магнусу, брату короля дацкого. И при том же и все города и замки, || кои он в Лифляндии завоевал, також ^{а. 24 об.} несколько сабак, хороших лошадей, комнатные приборы, двести тысячь рублей в золоте, серебре, драгоценных вещах и каменьях состоящее, в при-

^в В ркп. сначала было написано великою, но затем переправлено на великую.

^г В ркп. сначала было написано прошения, а затем исправлено на прошения.

^д В ркп. сначала было написано предъставлении, а затем исправлено на предъставления.

^е В ркп. после этого слова выскоблено одно слово из 7—8 букв.

даное ей назначил. И отправил он двести человек конницы для препровождения короля и каролевы в город Дерпт. Токмо въскоре после того сие доброе согласие между Даниею и им опять угасло и вместо того в войну обратилось, ибо короли дацкой, швецкой и польской Стефан, между собою согласясь противу ево вооружились. Ис коих король польской Нарвою завладел, а король дацкой к западу пошел и тамошни в Вартгаузене, Туле,⁹ Соловецком, Варзамасе и во всех окружных местах занял.

16

Невзирая на занятие сих мест призвал он знатнейших своих бояр с их дочерми и из них для себя и для сына своего супруг выбрал. А между
 л. 25 тем и прилежно примечал за всеми || тайных бунтов, и тех, на которых он хотя малейшее подозрение имел, смертию казнил и всякия протчия люлости над знатнейшими особами производил. Князь Федор Куракин, полковник в Виндаве, в Лифляндии, в то время, как король Стефан к городу приступил, немного пьян был. И для того ево Иван Васильевич в Москву призвал, нагова на телегу посадил и шестью кнутами, из железной проволоки зделанными, по всему городу везучи, до смерти засечь велел. Равномерно велел он и с Ивана Хигликовского кожу содрать и все его тело по составу в мелкие куски изъсечь. А как один из полачей над сим бедным человеком сжалился, и его скоряе жизни лишил, то велел он тому полачю правую руку отсечь, отъчего он на другой день и умер. Иные¹⁰ из них на
 л. 25 об. рогатину подняты, а потом тела их рыбам на съедение || в реку брошены. Князь Борис Куракин у прежняго царя, отца ево, в великой милости находился. Точию от сего ужаснейшим образом жизни лишен, ибо сей тиран приказал ему в зад железное копье засунуть, так что конец в затылке вышел. И таким образом он более пятнадцати часов мучился, между котрым временем и кнегиню, ево мать, туда привели, чтоб она производимое над сыном ее мучение видела. Потом предали ее сту царским гвардейцам на поругание, которые ее до смерти заблудили, а тело ее диким зверям и птицам на съедение оставили.

17

Между сим, призвал он к себе вышереченного Елисея Бомелия, которой был преславной аглинской лекарь и математик, також и многих протчих агличан, у которых он известие отобрав о нъраве и о летах каролевы
 л. 26 аглинской Елисаветы, и хотя он еще трех || живых супруг имел, но, однако, вознамерился и с сею принцесою в брак вступить. И для лутчаго в том успеху послал последнею свою супругу в монастырь, и великое множество кораблей в готовности содержал, которые на Двине реке стояли, где он лутчия из них выбрать хотел, чтоб со оными в Англию ехать. А правительство намерен был старшему своему сыну препоручить, дабы оный¹¹ во время ево отсудствия, все в порядок, согласие и в покорное состояние привел.

18

А дабы казну свою всякими сокровищами обогатить, то призвал он наместников и игумнов и главных начальников изо всех в государстве ево находящихся монастырей и представил им следующее: Что им вообще небезъизвестно, коим образом он всю свою жизнь, разум и силы к тому

⁹ В ркп. это слово позже карандашом переправлено на Коле. ¹⁰ В ркп. иные, ¹¹ В ркп. оным.

употребил, чтоб чрез то ^а их || и ^б всех их свойственников защищать, при л. 26 об.
 том же в неоднократной войне, во многочисленных апасных случаях и
 в бывших, как внутри, так и вне государства, противу его особы бунтах,
 жизнь свою в безпрестанных безпокойствах препроводил и всегда в страхе
 жить долженствовал. При каторых трудных обстоятельствах как соб-
 ственная его, так и государственная казна весьма изъчерпана и что, однако,
 сие к вящему их благополучию много вспомоствовало. Но, понеже ему
 ныне такие чрез меру вспоможении несносны становяцца, и для того при-
 нужден от них требовать, чтоб ани излишними своими доходами недоста-
 ток и убылую его казну дополняли. Духовенство старалось всякие способы
 вымышлять, чтоб от того освободитца и отважилось народ и знатнейших
 асоб противу его возмутить. И только недоставало к сему бунту нужней-
 ших припасов и настоящего предводителя. Как скоро великой князь а сем л. 27
 праведал, || то он дватцать человек из них к смерти осудил и дикими мед-
 ведями (коих он для таковых случаев всегда содержал) заставил. Сия
 травля медведями происходила таким образом: асужденных вывели на
 пространное и каменную стеною укрепленное место. В одной руке имели ани
 четки, а в другой руке железное капыцо длиною в пять фут, дабы тем
 сначала малую аборону чинить могли. А как скоро медведь одного из них
 бездушных богатырев изорвал, того медведя застреливали, другога выво-
 дили. Последней манах чинил медведю храброе супротивление и проколол
 ему груть капыем насквозь, однако, и сам от него изорван. Чрез сию мед-
 ведную ахоту привел он всех архиереев и игуменов в такую робость, чтс
 ани совершенную и верную опись а всех своих доходах ему вручили, по-
 чему он ат них триста тысяч рублев потребовал и, при том, у них все на-
 ходившееся в их ведомстве города и селы отнял. || И с крайнею прилеж- л. 27 об.
 ностию старался атъездом в Англию поспешать. Но как оное в народе
 пронеслось, то знатнейшие баяра ему в том препятствие учинили, почему
 он с четвертою супругою в брак вступил и с нею прижил сына Димитрия.

19

Наконец донесли на часто реченного Бомелия будто бы он, с архиепи-
 скупом новгородъцким согласясь тайным образом, противу его бунт предъ-
 приять вознамерились. В чем архиепископ хотя и признался, токмо Бо-
 мелий не винился, почему он его велел кнутом сечь, а потом и огненную
 пытку над ним произвел. По окончании ж того посажен был в тюрьму, где
 жалостнейшим образом и умер, а архиепискупа за такое преступление
 в темницу посадя и в пищу ему адин хлеп да воду производили. Прод-
 чие ж, на коих архиепископ показал, признав свою вину, просили а ми-
 лости, почему ани по учиненном им жестоком выговоре во всем прощены.

Сим кончим мы описание Горзеево и продолжим повесть нидерланд- л. 28
 скаго автора Фон Дер Боса.

20

Безбожное правительство сего в тиранствах заблудившегося государя
 привело его у приятелей в презрение, а подданных в страх, трепет и ро-
 бость, чрез что ани от поляков и от протчих неприятелей весьма много
 пострадали. Володимерския и продчих в соседстве лежащих городов жи-
 тели (коим вседневные неприятельские нападения несносны становились)
 для прекращения такого бедствия вознамерились вооруженною рукою
 неприятелем супротивление чинить и из доброй воли великому князю

|| ^{а-б} В ркп. это место написано неразборчиво.

обещались все до единого человека противу неприятелей в поле служить, когда он старшему своему сыну Ивану главную каманду над ними предъпрочит. Сие абещание произвело в нем падозрение (ибо тираны всегда падозрением и изумлением, страхом и боязнию мучатца), || будто бы л. 28 об. подъянные его самого неспособным признавают и уже при жизни ево пренебрегают, и более на сына ево надежду полагают, как на него. И для того тем же часом жалобу произвел, что он чрез то весма агорчен и обижен и, вышед к ним без всякаго правожания или служителей, бросил карону и порфиру и сказал народу, чтоб оное отнесли другому, кого ани лутче его почитают. Патом праславлять начал великое свое о государстве попечение, что он^в Лифляндию в свое владение получил, турок и татар победил (что и действительно с великою славою им в действо произведено) и так достоинство и славу поколения и народа своего храбро защищал, но видя, что он и храбрые ево поступки ныне ни ва что ставятца, то вознамерился он правительство уступить другому, каго ани к тому достойнее изберут. Депутаты к нему отправленные чрез то пришли в жалость и просили ево, чтоб гнев свой абратил в милость и правительство по прежнему л. 29 || на себя принял. Однако он на прошение их прежде склонятся не хотел, пока они не абещали главных бунтовщиков (так называл он их) ему предъставить. Патом абратился он к сыну своему с следующими славами: «А ты, прахлятой, асмеливайся еще, имев такие происки и дерские предъприятти, отцу своему в глаза показатца! Ты возбудил народ к мятежу, в тебе ни малейшего сыновнего почтения не имеитца, не нашел ты лутчего к войне способу, как сего, что вознамерился отца своего погубить, пристойно ли тебе отважитца воинской жезл принять и тем государя и радителя своего всего высочества и достоинства лишать? И какого ты, от такого с бунтовщиками тайно учиненнаго согласия, ажидал успеху? Без сумнения помышлял ты меня в крайнее нещастие привестъ! Изрядно, л. 29 об. когда ты не познал в отце твоём царя масковского! || То я напротиву того окажу, что царская жалость отцовской превозходит и над табою такой абразец учиню, дабы другие дети, глядя на то, научались родителей своих почитать, а не насмехатца над ними!».

Сын, услышав, что отец его такую ужасную казнь над ним предъприятъ вознамерился, пал ему в ноги и всеподданнейше просил, чтоб ему время дал апамятоватца, дабы о невинности своей основательное аправдание принести мог. Точию сей тиран в знак, чтоб он малчал, ударил ево изо всей силы акованною тростию в висок, котораго удара он прежде не почувствовал, пока от вылейвшейся в великом множестве крови пред отцем своим на землю паки упал. В то время увидел себя безчеловечной сыно-убивец, что худо зделал, и сие нещастие привело ево в крайнее смущение. Гнев л. 30 ево абратился в жалость и, припадняв руки, || то на умирающего своего сына, то на небо взирал и весь двор многим рыданием наполнил. В то время, утешая он умирающего сына, вздыхал и оплакивал свою бещастную судьбину, сожалел а общем уроне, иногда приписывал вину небу и представлял себя так, как отчаявшиеся люди обыкновенно бывают. Между смертелною болезнью услышал раненой вранье отца своего и старался, хотя весма тихим голосом, но следующее слово выговорить: «Хотя меня лишает жизни тот, от которого я оную имел, но бог истинной мой свидетель, что я никогда противу отца моего тайного согласия предъприятъ не помышлял, а наналутче бы желал, чтоб он всем светом владел, и чтоб оружие с лутчим успехом над врагами и над племенем их действовало!». Наконец, просил он, чтоб его погребли без всякаго великолепия, токмо

^в В ркп. он вписано над строкой.

честно и как христианина. || Великой князь не мог апаметоватца, не ел и а 30 об.
не пил и все спиною к стене присланивался, и пристально, в великом смущении, глядел на умирающего своего сына, каторой в пятой день после поменутого удара сканчался и с великим великолепием в церкви архангела Михаила, подъле предков своих погребен.

Выше упомянутой агличанин Горзей обстоятельство о его смерти описывает таким образом. Сей перворожденной сын лютости отца своего крайне ненавидел, что отцу известно учинилось и за то на него не токмо весьма гневался и его бранил, но и по щеке ударил, каторой удар ему так прискорбен был, что он от того в великую болезнь впал и в третьей день сканчался. И что сие незапное и весьма печальное приключение отца его в такое смущение привело, что оной с жалости волосы на голове рвал, а особливо для того, что молодой великой князь весьма умен, || милостив и а 31
разсудлив был. Что похороны его более пятидесять тысяч фунтов обошлись (а какие фунты щитать должно а том автор ничего не упоминает). Також статца может, что его и о пощечине¹ уведомили для того, чтоб тем смертноубивство лутче скрасить, ибо многие авторы единогласно пишут, что отец сына своего окованною тростью в голову ударил, от котораго удара он и умер.

21

Коль страшно, печально и безумно сей варвар себя сначала ни представлял, толь скоро слезы, рыдания и вздыхание его с покойником вместе и похоронены и кончились. Ибо он после того вскоре мысли свои к новому супружеству обратил в разсуждении, что второй сын был разумом скуден, а третьей весьма молод и, при том, не в законном браке рожден, следовательно и к наследию неадастоин. И взяшло ему на ум сосватать || за себя а 37 об.
дочь графа Гунтингтона, ибо он а каралева (Елисавете, каторою его Бомелий только насмех подымал) уже и не думал. И для того отправил он в Англию особое посольство, от котораго реченная девица, в саду близ Эбарахского дворца, весьма знатной подарок получила. Равномерно и из Англии в Москву отправлен был пасол, каторой по прибытии туда с великою славою встречаем и на аудиенцию въведен был. Круг дворца все места, ступени и комнаты, чрез которые его вели, украшены были богатыми абоеми и шитыми золотом каврами. Царь весьма в богатой аежде на престоле сидел, подле его лежала тройная карона, а круг его стояли четыре баярина в серебряных аеждах и держали в руках серебряные скипетры, по левой руке сидел сын его с протчими знатнейшими асобами. Пасол неоднократно к сталу приглашен был и ото всех великое почтение получал. Но как сильно великой князь не старался сей брак в действо произнать, || и для того еще другога посла в Англию отправить а 32
намерился с тем абезательством, чтоб кароною и наследием престола сей аглинской девицы и ея наследникам владеть, а для дастоверности весьма великое сокровище и богатство каролевы аглинской под заклад вручить, дабы в случае неисполнения того абязательства наследники той девицы тем сокровищам ползаватца могли, то однако духовные и протчие знатные асобы оное воспрепятствовать способ нашли. К пресечению тех препятстивев велел он (как Горзей упоминает) волшебников и чернокнижников приискать, коих и собралось до шестидесят человек, и им отведен был особливой дом, где ани всякое потребное содержание от двора получали. Також приказал великой князь первому и знатнейшему фавориту своему. Богдану Белскому, их в каждой день посещать.

¹ В ркл. пощенин.

л. 32 об.

В то же время, кроме протчих страшных знаков, ужасной камень на небе целой месяц в Маскве виден был, котораго все волшебники единогласно за предвозвещание великокняжеской смерти считали. Что, однако, вышеномянутой Белской ему донести не осмелился, в разсуждении, что он угрожал их за худое пророчество змечь. Между тем, приближалась его смерть (о каторой разные повести имеютца). Большая часть писателей следующее о том известие справедливым быть считают.

После учиненнаго сынаубивства был он часто весьма безпокоин и в такую сильную болезнь впал, что и кишки и весь потрох у него згнил. Також произросшие внутри в изгнившем ево желудке черви и тело ево снаружи изъедали. Равным же образом, упователно, душа и совесть ево мучилась всякими предъставлениями. Однако он жизнь свою чрез пищу л. 33 еще несколько времени || продлив, или, лутче сказать, питал, прирасчивал и приумножал муку свою, пока совсем из силы вышел в последней час. За несколько дней пред смертью впал он трижды в обмарок и целые сутки без всякаго движения и дыхания, как мертвой лежал. По миновании перваго обмарока приказал он печальным видом второму своему сыну некоторых к смерти приговоренных колодников из темниц выпустить и аковы снять, объявляя, что был в разных темных, страшных и ужасных местах, где за них великое мучение претерпел. Почему сын ево не токмо тех колодников освободил, но и кровли с темниц разломать и по всем церквам молебствовать приказал. Також великую сумму между бедными людьми розделил и обещав им еще более того, когда они чрез неотступную свою молитву у бога облегчение царю испросят. Токмо все их малитвы не в состоянии были гнев божий отвратить. Иван Васильевич вторично в обмарок л. 33 об. впал и совсем из силы вышел. И по всему городу было все || тихо, ибо всяк с нетерпеливостию ожидал чем оное кончитца. А в самом деле никто от искреннего сердца о страдании и смерти его не сожалел, но наипаче старики радовались приближающейся им свободе, а дети нетерпеливо ожидали родителей своих освобожденными видеть и ежечасно посылали к ним навстречю людей. Однако Иван Васильевич опять в память пришел и приказал сыну все чрезвычайные поборы и чиненные народу отягощени совсем оставить, дабы бедныя подданныя от претерпевшаго раззорения оправится могли. Також тех людей, коих он несправедливо всево имения лишил и вотчины их на себя отписал из казны награждать, всех колодников вообще из темниц выпустить на волю, что все и учинено. Потом впал он в третьей обмарок, после котораго и не приходил уж в память, но с жалосным ужасным криком и ревением скончался. Как скоро он умер, то опухшей ево мужественной член лопнул, от чего такая мерская вонь произошла, что никто в той комнате устоять не мог. || Все люди не только л. 34 оттуда, но и из дворца побежали. Оное ⁴ учинилось в 1584-го году, марта 28-го дня.

Адам Алеарий в персицком своем путешествии о смерти ево, хотя въкратце, однако сходственно с сим описанием упоминаит, что он умер пятидесят шести лет, кончина ево была ужасная, с великим и весьма страшных криком и ревением.

О привидениях ево реченной агличанин Горзей ничего не упоминает, хотя он и в самое то время в Маскве был и за два дни до кончины с великим князем уговаривался. А о смерти ево следующее известие он сообщает. Хотя великой князь пророчествам волшебничьим, кои вышеупомя-

⁴ В ркп. оно.

нутым образом кончину ево предвозвещали, не верил и ни о чем более, как о сочетании браком разговаривал, то, однако, гнев божий атмщением поспешал, так что он в потаенных местах сильно апух. В каждой день насили ево в креслах в казенную палату, где он сакровищи свои || асматривал. За два дни да канчины своей увидел он сего аглинскаго резидента и ему рукою махнул, чтоб за ним туда же следовал, что оной в провожании баяр протчих и учинил. Патом он приказал себе подать драгоценныя каменя, о свойстве и о качествах оных весьма разумно и пространно рассуждал, асабливо а магните, аспиде, алмазе, изумруде. После того приказал он лекарям и аптекарям особливые^е припасы изъготовить, волшебникам, за ложное их пророчество, жестокой и грозной выговор сказать для того, что он в назначенной от них день не только не умер, но и великое от болезни аблегчение имел. Токмо ани в ответ сказали, что тот назначенной день только наступил и еще не прошол. С каторым атветом Багдан Белской, к великому князю возвратясь, все к припадку потребное разпоряжал. По изготовлении всево пошел великой князь в мылню, где он четьре часа пробыл и, вышед оттуда, в постелю лег.

Токмо скоро встал и велел тавлеи подать и в одних партках при всех знатнейших баярах адин играл. Но незапно упал и хотя ево всякими крепительными водами всприскивали, то однако все оное не помогло, он тем же почти часом и умер. Как скоро Иван Васильевич таким образом умер, то Багдан Белской и Борис, в силе духовной главной разположение правительства государственного препоручено было, со многими протчими боярами к высокому окну пошли и капитану приказали во дворце караул прилежно наблюдать, равномерно и автор с служителями своими к штатъ-галтеру пошел и от него с великою честью принят был. Також и архиепископы и епископы и знатнейшие дворянство во дворец поехали и новому великому князю присягали.

Буде сие известие агличаненина съсправедливо, как то и упователно, ибо он в тот же день ва дворце был, то без сумнения привидений несправедливых и только па злобе на покойнаго тирана росъсиянами всклеветаны. Разве что не имел ли он привидениев недели за две да кончины своей? Но и о том бы агличанин наш не умолчал, при том же и невероятно, чтоб человек, имевшей таких ужасных привидениев и будучи здоровьем весьма слаб, еще в тавлеи играть и над сокровищами своими радоватца мог. Что меня и побудило* вышеписанную повесть о приведениях ево (каторая^е нидерландом Фон Дер Босом аписана) за несправедливо признать. А статца может, что сей тиран в самое то время, как он упал и кончатца начал, жестоко ревел и кричал, ибо известно, что часто те люди, оной падучею балезнию адержимы, с великим ревом и криком с нох сваливаютца. || Буде же, и паче чаяния, сей тиран без вопля и рыдания и ужасных движеніев умер (что аднако многие дастоверные писатели даказывают), то, при всем том, его в числе тех щитать должно, кои ужасную канчину имели, ибо, что ужаснее того быть может, как умереть не познав смерти? Что ж и опаснее, как углубясь в ыгре и ни о чем более, как о игре помышляя, умереть? Может ли душа более в опасности быть, как в то время, когда она при последнем приступе и сражении теплых молитв в оборону и веру в щит не употребляит? И когда ана в таком безъзаботливом состоянии обрацайтца, то приближившейся неприятель словами некоторога невер-

* В ркп. это слово сначала стало писаться писцом с буквы а, но погом эта буква была затерта и рядом написано о. * В ркп. побудила. * В ркп. сначала было написано каторое и затем исправлено на катороя.

наго императора хвалитца и сказать может: «Подите зрите здесь!». Следственно и Иван Васильевич по всему видимому состоит в числе тех, кои души свои безконечно смерти препоручили

л. 36 об.

23

Хотя же Иван Васильевич себя как в жизни, так и при кончине своей, на письме и на славах всегда тираном предъставлял, то, однако, многие авторы приписывают ему и некоторые хорошие качества, кои не токмо похвалению, но и некоторым образом последованию достойны. Агличанин Горзей приписывает ему славу, что он на войне щастлив и славен был и татар, кои ево (по неправильному сообщению агличанина) сперва отступить принудили и город Москву зажгли, после более 2 000 верст по обеим старанам Волги прагнал и государство свое од дани, каторая пред тем татарам платилась, асвабадил. Також, что он Псков, Смоленск и прочие города и крепости в России, Литве и других полских провинциях состоящих, себе покорил и сверх того с Швециею и Сибирью воевал и

л. 37 царя сибирскаго пленил. || Евий (в книге своей а пасольстве масковском) пишет, что он с лифлянцами, не взирая на то, что они с семдесят двумя горадами в союзе противу его состояли, шесть лет вайну имел и их так усмирил, что ани принуждены были миру прасить. Поляков в самом начале своево владения совсем с поля прогнал, толко после того у Днепра и от них великой урон претерпел, однако ж Смоленск им не отдал. Татар неоднократно щастливо побеждал и причиненное государству от нападения их разорение храбро отмщал. Более 15 000 конницы всегда в поле имел и каждого, каторой себя храбро оказывал, по заслугам награждал.

Правосудие он прилежно наблюдал, оное доказывает (Гроздей), издал разные учреждения, уложения и правы. Також и духовное улажение по греческим церковным правам в кратких, || однако ясных пунктах сочинил. Власти папы римскаго он не токмо покорится, но ево за главу церкви почитать не хотел, хотя оной и старался чрез дружеские письма ево увещевать, чтоб он величество римской церкви познал, абещая ему за то из папской своей власти дать чин каролевской со всеми принадлежащими ко оному преимуществами, к чему Иван Васильевич весьма лаком был, ведая что и цесари по древнему обычаю из Рима карону и скипетр получают. (Смотри в книге вышереченнаго Евия). А правда ли, что Иван Васильевич оной чин иметь желал, аставляю читателю на разсуждение. Я с моей стороны оному не верю. А может статца, что оное ему абеццано было, ибо царь россиской щитаит себя более кароля, пишется императором и требует, чтоб его за то признавали. Да в посланном к папе в ответ письме (о катором Евий упоминаит) имяновал он себя императором и самодержцом Всероссиским, а папу пастырем и учителем Римской

л. 38 церкви. || Посла его, Димитрия, папа (в Ватикане) весьма великолепно принял, в бархатное платье наредил и весьма дружески с ним абходился. Сверх того показывал ему многие святые мощи, кои пасол высоко почитал. Чрез такое приятное абхаждение упавал папа маскавитян к себе склонить и с римскою церковью соединить, что однако не удалось. Еще ж Евий в первом томе своей истории пишет, что он великое рачение о разпространении христианскаго закона имел, токмо оное из жизни ево не усматриватца, разве, что притворство ево за сущее дело почтено, ибо он отважился архиепископскую должность исправлять, також и духовные дела решил — сам литургию служил и протчее, во хмелю Символ веры певал, а кто из манахов оное^а так наизуст петь не умел как он, того жестоко

^а В ркп. аное.

жезлом бивал. Статца может, что сие от иных людей за добродетель
 считаитца. Також скрасил он свое притворное богомольство еще и тем,
 что построил еще сорок каменных церквей || и шездесят муских и де- л. 38 об.
 вичьих монастырей и оных потребными даходами снабдил. Сверх того
 пастроил он в разных местах своего государства более ста дварцов и кре-
 постей, а в самых аддаленнейших степях более двусот городков, и оных
 народом населил, из чего заключаитца, что хотя он и был преужаснѣй ти-
 ран, однако общую ползу наблюдал и более склонности к распространению
 нежели к опустошению своего государства имел.

24

К размножению своего богатства он очень жаден был и, сказывают,
 что ни единое государство богатством противу ево сравняемо быть не
 магло. А оное ево толь славное и весма великое богатство состояло в дра-
 гоценнейших каменьях, уборов, злате, серебре, вине, аващей и земных пло-
 дов, сахаре, карице, свинце, минералов и в протчих вещах, коих он
 в Персии, Туредии, Нидерландии, Англии, Полши и в разных других го-
 сударствах пакупал.

25

л. 39

Хотя вышеписанное известие нрав и совесть его довольно изъявляет, то
 однако еще вкратце сообщим примечание разных авторов ꙗ наружном виду
 и о совести ево часто реченной. Евий, без сомнения, примечания свои сме-
 шал с великим и очевидным лицемерием, когда он пишет, что Иван Василь-
 евичь будучи 49 лет имел пригожей вид и рост и особливые дабрадетели
 совести, свойственников же своих любил и почитал, и от них равномерно
 любим и почитаем был, и в побеждении неприятелей щастливее предков
 своих был. Первое и последнее правда, а среднее, о любви свойственников,
 совсем не^к согласно и противное тому. Уже даказано, что свойственники
 ево потаенным образом боялись и яко безчеловечнаго тирана крайне нена-
 видели. Разве, что свойственниками почтутца безчеловечные его советники,
 безбожные придворные служители и разбойнические с...ы^а кои к душе- л. 39 об.
 губству не токмо оказывали к тому советы, но и часто своими руками оное
 действо производили. || А что он иностранным людям (кои в нзукѣ и
 художествах искусны были) великие милости оказывал, то безъспорно.

Горзей пишет, что он имел мужественной вид, широкой лоб, громкой
 голос, хорошей и острой разум. А в протчем был лют и немилосерд.

26

О придворном ево великолепии и одежде упоминает вышереченной дац-
 кой дворенин и посол Яков Фол Улефелд. Что как он в Москве первую
 аудиенцию имел, то на великом князе Иване Васильевиче было желтобар-
 латное платье с драгоценными каменьями украшенное, на шеи золотая цепь
 с такими же каменьями, а на голове шапка вся в таких же каменьях и по-
 верх оной корона, на всех палцах были перстни з большими жемчюгами,
 в руке держал он позолоченой скипетр, подле ево сидел сын в малиновом
 бархатном платье, которое также многими драгоценными каменьями сияло,
 а на галове имел он шапку соболью. || Вид великаго князя изъявлял гор- л. 40
 дой и одутловатой. Его нрав: безпрестанно въздергивал он брови и плеча

^к В ркп. отрицание не приписано позже.
 брать лишь первую и последнюю буквы.

^а В ркп. в этом слове можно разо-

кверху, да и все ево туловище со спеси надувалось, особливо когда титул ево упоминаем был.

Как оной посол к руке допущен был, то один из баяр громким голосом сказал: «Яковле, Иван Васильевич так над тобою умилосердился, что удостоил тебя руку свою целовать!». Во время обеда весь стол золотыми и серебряными блюдами и стопами так наполнен был, что ни на едину ладонь порозжаго места не было. И только Иван Васильевич с сыном своим из деревянных стаканов пил и деревянными лошками кушал. Также и ножи их были длиною в пол аршина. Протчия ж за столом сидящие все на золотой и серебряной посуде кушали. В протчем поступки ево за столом так подлы были, что посол засвидетельствует, что он ни у кого подлого за обедом такого безчинства и подлости || не нахаживал. Как посол другую к отъезду аудиенцию имел, то Иван Васильевич в малиновом бархатном платье одет был, которое платье равномерно великим множеством жемчюга и драгоценными камнями украшено было, а ворот золотом и жемчюгом вышит и унизан был наподобие того, как в древних временах дацкие знатные госпожи платье нашивали. Поверх ево шапки сияла золотая корона с нецененными камнями. В руках держал он золотое яблоко величиной в децкую голову, вокруг, в подобие звезд, драгоценными камнями украшенное. Подле его стоял золотой сосуд и чаша, в кою он иногда яблоко и шапку клал.

Во время слушания посолскаго доклада и чтения пунктов о союзе представлял он себя не так, как самодержавцу подлежит, но так, как человек, которой мысли свои обратил к другим делам, так что казалось будто бы одно ево тело, из которого душа и мысли в дальние страны || для новых предприятий отлучились, тут присудствовало. То призывал он сего или другога боярина к себе и с ним разговаривал, то милостивым и приятным видом възглядывал на Богдана Ивановича Бельскаго⁴ и ему палцы свои, кои неизъчетными перстнями унизаны были, показывал, и неоднократно полу кафтанную подымал и золотые ножны осматривал и також лежащей подле ево золотой и драгоценными камнями украшенной жезл в руку брал. И сапоги ево застегнуты были бралиянтовыми пуговицами, по обеим сторонам стояло четверо детей боярских в белых бархатных платьях з золотыми цепочками застегнутые, кои в руках тапоры держали. Но после аудиенции, как он, так и бояре его сие богатое платье с себя сняли и другое похуже, однако богатое ж, платье надели.

Иван Васильевич был пригожей, токмо лютой и язвительной зверь, которой многих людей безчестным образом изорвал, пока, наконец, и сам нечаенной смерти в кохти попал.

л. 41 об.

27

Как нечаенно и скоропостижно он умер а том уже выше сего упомянуто. Тело по его желанию погребено в церкви архангела Михайла, к которому на некоторое время салдацкой караул приставлен был. При жизни своей велел он из Лифляндии привезть надъгробной камень, которой уже и на дороге был. Но как скоро извошки о смерти его известие получили, то они тот камень в лесу, недалеко от деревни Коломны, бросили, где он и поныне еще лежит.

Конец.

(Рукописный отдел Саратовского гос. университета, собр. П. М. Мальцева, Р. 859)

⁴ В ркп. около этого слова поставлена звездочка. Внизу страницы также поставлена звездочка и около нее написано в скобках (беднаго).